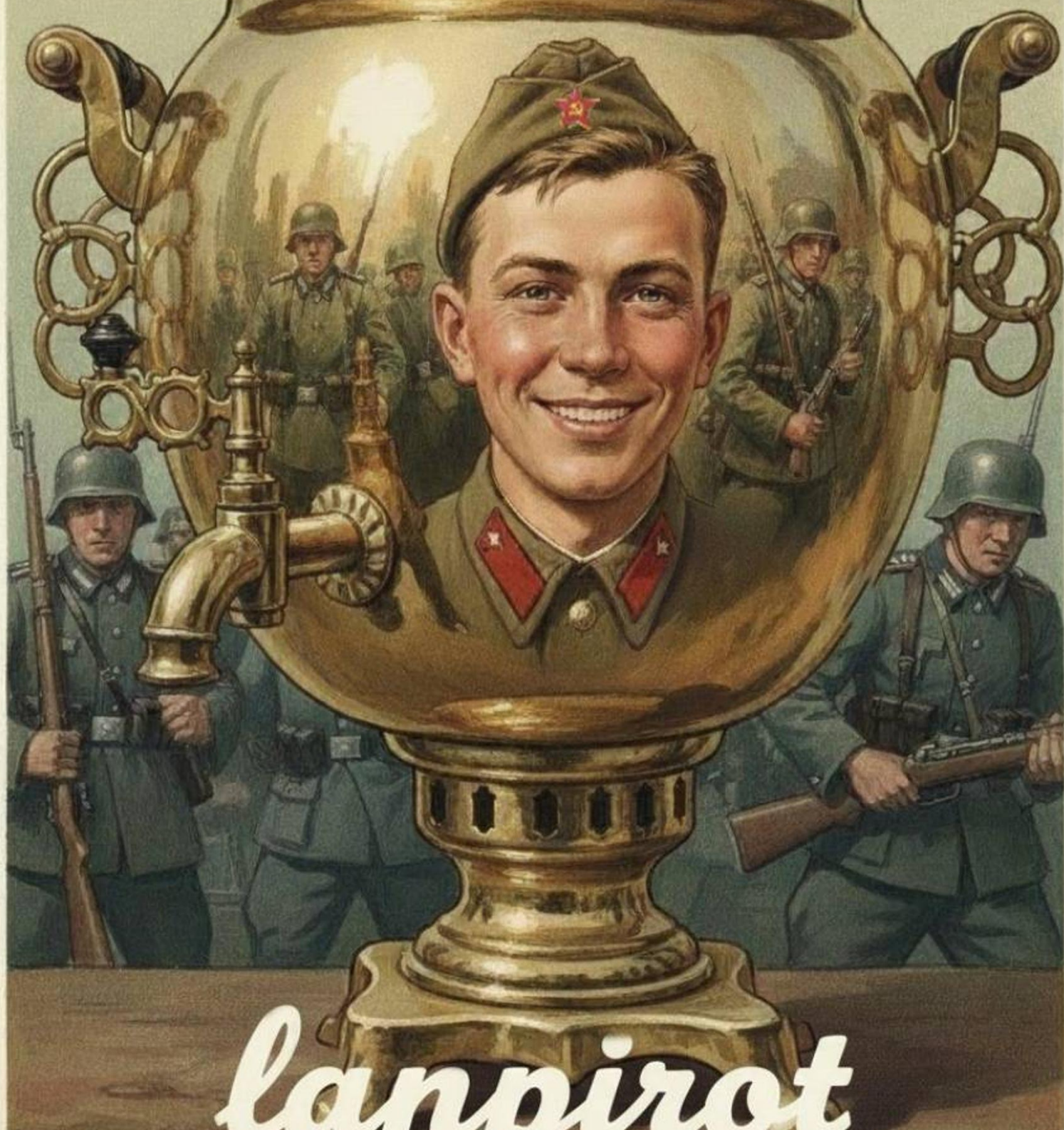

Серёга-самовар

Lanpirot

Серёга-самовар

«Автор»

2026

Lanpirot

Серёга-самовар / Lanpirot — «Автор», 2026

Вместо тихой смерти в настоящем — пробуждение в огне Великой Отечественной, в осаждённом нацистами Севастополе. Днём я беспомощный калека, прячущийся в тёмных подвалах от немецких патрулей. Но ночью...Ночью я снова могу ходить, сражаться и мстить. Моя сила растёт с каждым убитым врагом. Но цена страшна: одна человеческая жизнь за одну ночь избавления от увечий. А на рассвете сила исчезает...

© Lanpirot, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	36
Глава 8	42
Глава 9	48
Глава 10	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Lanpirot

Серёга-самовар

Пролог

Июль 1942 г.
Рейхскомиссариат Украина.
Генеральный округ Таврия¹.
Пригород Севастополя.

Я бежал... Нет, не так – я нёсся сломя голову в предрассветных сумерках по заброшенному полю, сплошь заросшему высокой сорной травой. Её еще не огрубевшие зелёные стебли хлестали по коротким и широким голенищам немецких маршевых сапог мокрыми от росы плетями. Они словно пытались меня остановить, запутав ноги.

Легкие горели, выворачиваясь наизнанку с каждым хриплым и судорожным вздохом. А в голове, болезненно раскалывая виски, стучалась одна-единственная мысль:

«Успеть, успеть, успеть! Кровь из носу, как надо успеть!»

Но я уже отчётливо понимал, что не успеваю. Не успеваю, и всё тут! Я на секунду оторвал глаза от земли, поднял голову и бросил мимолетный взгляд на восток. Небосвод, еще мгновение назад казавшийся бездонным черным бархатом, усеянным яркими звёздами, постепенно наливался кровавым заревом.

По самому краю горизонта проявилась алая кайма – восход уже близок, а до подготовленного убежища еще далеко. Проклятое солнце, чего ты так не вовремя? Не могло подождать еще минут десять-пятнадцать? Тогда бы я точно успел. А сейчас... Сейчас это начнётся!

Да, уже началось - я выхватил эти изменения периферическим зрением, самым краешком глаза. Просто бросил взгляд на свою руку, мелькающую туда-сюда в такт моему заполешеному бегу. Это сложно не заметить, когда сквозь твою кожу, жилы и кости начинают проступать окружающие тебя предметы.

Сквозь собственную ладонь я видел эту чёртову траву, цепляющуюся за мои ноги, и комья сухой земли, разлетающиеся в пыль, когда я на них наступал. Я сжал пальцы в кулак, сильно - до хруста, пытаюсь ощутить надежную плоть, но чувствовал лишь странную, нарастающую пустоту. Рука постепенно становилась призрачной, как оконное стекло, намоченное дождём.

Нет! Нет! Только не сейчас! Совсем немного осталось!

Но с каждым моим шагом неумолимо светлело. Алая кайма ширилась, заливая своим сиянием уже немалую часть ночного неба. А вскоре из-за горизонта показался ослепительно-огненный шар, медленно поднимающийся над землёй.

И с его первым лучом, ударившим мне прямо в лицо, я вскрикнул от досады: мои руки, выглядывающие из длинных рукавов вражеского кителя цвета фельдграу... Они... Они таяли прямо на моих глазах! Я поднял ладони перед собой и увидел, как сквозь них проступают очертания темных деревьев, растущих на самой границе грёбаного поля, которое я так и не смог пересечь.

¹ На самом деле генеральный округ «Таврия» (Generalbezirk Taurien) с центром в Мелитополе появился лишь 1 сентября 1942 г. и только на части запланированной территории для генерального округа Крым (Generalbezirk Krim), который так и не появился в качестве административной единицы, включавшей бы в себя территории Николаевской и Запорожской областей Украинской ССР и весь Крымский полуостров.

Солнце поднималось слишком стремительно. Оно пожирало тени и заливало мир животворящим светом. Но для меня этот свет губителен - я уже видел, как контуры моих пальцев теряют очертания, постепенно растворяясь в воздухе. Руки больше не мои. Они - призрак, дым, оптический обман. У меня их больше нет. Я попытался потереть одну ладонь о другую, но не почувствовал уже ничего.

И в этот самый миг, когда я в ужасе пытался ощутить хоть что-то, хотя бы призрачное прикосновение собственных исчезающих ладоней друг к другу, моя правая нога подломилась. Не сломалась кость, не подвернулась ступня, не растянулись и не порвались мышцы – нога просто исчезла.

Я не успел даже вскрикнуть, как земля ушла из-под ног, и моё тело кубарем полетело вниз, в эту мокрую, хлещущую, теперь уже и по лицу, траву. Мир превратился в хаотичный калейдоскоп: перевернутое небо, несущаяся навстречу земля, мелькающие стебли травы. Я катился по полю, беспомощный, как сломанная кукла.

Сочный хруст поломанных стеблей отдавался в моих ушах. Сквозь стиснутые зубы, хрипя и задыхаясь, я выкрикивал самые грубые и отчаянные ругательства, какие только знал. Я материл это проклятое солнце, это бесконечное поле, этот мир, жестокую и несправедливую судьбу, которая обрекла меня на такие мучения. Хотя, виноват в этом был только я сам...

Какое-то время я еще катился по инерции, замечая, что штанины тоже пусты, как и рукава кителя. Они бессмысленно болтались, мотыляясь по ходу движения и накручиваясь на моё изуродованное тело. Эта картина была ужаснее любой боли, любой пытки – понимание того, что сейчас я беспомощен перед любой опасностью, почти как новорожденный младенец.

Инерция наконец иссякла, и я раскинулся на спине посреди бесхозного поля, беспомощно глядя в пронзительно-голубое утреннее небо. Я попытался поднять голову, чтобы осмотреться. Да хрен там – кругом одна трава! Мой взгляд метнулся по пути моего падения - и всё, что я сумел рассмотреть среди примятой травы – одинокий и никому не нужный сапог. Второй, наверное, остался еще дальше. А носков и вовсе след простыл.

- Ну, что я тебе говорил? – раздался у меня в голове бесплотный голос. – *Нужно было раньше валить!*

Глава 1

Июнь 1942 г.

СССР

Севастополь

Вся эта невероятная история началась с того, что я умер. Да-да, вы не ослышались: загнулся, склеил ласты, дал дуба, отбросил коньки, сыграл в ящик, окочурился... Перечень можно продолжить, но смысл от этого не изменится абсолютно.

Не верите?

Понимаю. Я и сам до сих пор сомневаюсь в реальности всего происходящего.

Но, мало мне было этого, так я еще и в чужое тело умудрился вселиться, да еще и попав в прошлое за восемьдесят четыре года до собственной смерти.

Да-да, прекрасно осознаю, что с таким диагнозом прямая дорога только в дурку. Только вот мне-то что с этим прикажете делать, если оно действительно так?

Как такое могло произойти? А я откуда знаю? Ведь моё «турне» в прошлое произошло не в результате какого-нибудь запланированного научного эксперимента – путешествие во времени в моём мире могло разве что на страницах научно-фантастических романов или в кино случиться.

А вселение моего разума в чужое тело вообще выглядело каким-то чудовищным вывертом реальности или глюком мироздания. Еще недавно я был просто дряхлым и немощным стариком, который тихо угасал в своей пустой квартире. Последнее, что я помнил из «той» жизни — это потрескавшийся потолок, жёлтый от табачного дыма, противный запах лекарств и одиночество, такое густое, что его можно было запросто черпать ложкой.

Да, так вышло, что в конце жизненного пути мне некому было даже стакан воды подать. Но, если по правде, пить совсем не хотелось. Но, не подумайте, что жалуюсь - я ни о чем не жалею. Жил честно, поступал правильно. Вот только не заметил, как к жизненному краю подошёл. Всё, дедуля – пора на вечный покой! Но покоя отчего-то совсем не хотелось...

Да, о чем это я: какой дурак захочет умирать? Впервые в жизни я, убежденный атеист, истово молился... Не знаю, правда, кому... Да кому угодно – кто первый получит, тому и карты в руки – только дай мне ещё один шанс! Жить! Я хочу жить! Я еще многого не успел в этой жизни!

И моя просьба была удовлетворена, но как-то не так, как я себе тогда это представлял. Да, я умер. Там. А очнулся здесь. В этом аду. Но не в том, который в Библии - с котлами и грешниками, а в своём, личном. Похоже, крепко я нагрешил в своей прошлой жизни, по мнению того, кто сотворил со мной такое...

Я оказался в июне 1942 года в самый разгар Великой Отечественной войны. В чужом теле изуродованного войной танкиста, потерявшего в бою руки и ноги. Я даже вспомнил, как в моём собственном детстве таких убогих инвалидов-ветеранов, горько шутя, называли «самоварами».

И теперь я сам стал таким «самоваром» – жалким и беспомощным обрубком человека, ни на что не годным. Похоже, моя мольба была услышана, но кем-то крайне циничным и беспощадным. Это был не шанс - это была жестокая издевка.

Первые дни – а может, недели, я потерял счёт – прошли в полном помутнении рассудка. Я погрузился в густую, липкую меланхолию, сквозь которую едва пробивались звуки и свет. Я не реагировал на уколы, на кормление с ложки, на вопросы врачей – сказывалось тяжелое ранение, контузия и полное истощение организма.

Чудовищную боль, терзавшую меня непрерывно – большая часть моего «нового» тела представляло сплошной ожог, я еще мог вытерпеть. А вот с моей психикой творилось что-то неладное – словно не я это вовсе, а всё ещё он, бывший хозяин этого тела. Мир в те дни сузился до потолка с паутиной трещин, до пятна сырости в углу, которое я мог «изучать» часами, практически не мигая.

Но постепенно оцепенение стало отступать, хотя я в полной мере осознавал ужас своих будней, и того будущего, которое меня ожидало. Я стал человеком, полностью зависящим от других. В своей прошлой жизни, даже на склоне лет, я никогда и ни от кого не зависел, а сейчас стал настоящей обузой для всех окружающих, особенно для врачей и медперсонала.

Уставшие и не выспавшиеся медсестры со щемящей жалостью в глазах переворачивали моё беспомощное тело, чтобы не образовались пролежни. Каждое их прикосновение, каждый взгляд, полный сострадания или невольного раздражения, жёг меня сильнее, чем неожиданно всплывающие в моей памяти чужие воспоминания о раскалённой броне подбитого и горящего танка.

Но, по натуре я был человеком деятельным и неунывающим, поэтому сбросив с себя уныние последних дней, я, как мог, старался приободрить невесёлых медсестричек, весело им подмигивая, и щедро отсыпая незамысловатые шуточки.

- Чего нахмурились, красавицы? Не бойсь – прорвемся! Потанцуем ещё после победы на моей свадьбе!

Да, я был узником своего нового тела, но сдаваться не собирался. Чтобы совсем уж не свихнуться от отчаяния, я рылся в обрывках памяти моего предшественника, неожиданно открывшихся мне. Так я узнал, кем он был, этот молодой летёха-танкист Сергей Филиппов, чью изуродованную плоть и искалеченную судьбу я унаследовал.

Перед моим внутренним взором всплывали красочные картины боя, металлический лязг гусениц, едкий запах солянки и пороха, сильный удар, ослепительная вспышка взрыва, огонь и всепоглощающая боль... Он был настоящим героем, этот молодой танкист, как и остальные члены экипажа, погибшие в тот злополучный день.

Он, как и я, мог перетерпеть физическую боль, а вот душевную... Страшно сказать, но последнее, о чем он мечтал, и о чем молил – о смерти: «Лучше бы сгореть заживо в тот день, чем остаток жизни существовать беспомощным инвалидом, обузой для всех...»

Его отчаянная мольба, похоже, тоже была услышана. Каждый из нас получил, что просил: он – вечный покой, а я – жизнь в теле человека, который всеми силами души не хотел жить. Это ужасающая ирония была настолько совершенной и беспощадной, что просто не укладывалась у меня в голове.

Мои мрачные размышления прервал тихий скрип двери и неторопливые шаги – ко мне подошёл пожилой доктор с усталым, но добрым лицом, испещрённым морщинами забот. Он заботливо поправил подушку, не глядя мне в глаза, и тихо спросил:

- Ну что, герой, может, сегодня хоть вспомнил, как тебя зовут? Или хотя бы как звали твоих товарищей? Хорошо бы известить родных, что ты жив.

Я машинально и уже привычно, помотал головой:

- Нет, доктор. Не вспомнил.

Хотя прекрасно знал, что Серёга нарочно скрыл своё имя и настойчиво твердил врачам одно и то же – «не знаю». Он предпочёл остаться безымянным калекой – «танкистом», как меня все называли в госпитале, чем стать неподъёмной обузой для своей молодой жены и старенькой матери. Пусть лучше считают его погибшим на поле боя героем, сгоревшим в танке, чем будут мучиться с ним всю оставшуюся жизнь.

И узнать его по обезображенному пламенем лицу не сможет уже никто. В своей добровольной анонимности мой предшественник нашёл последний способ защитить тех, кого

любил. И я, невольный наследник его тела и его судьбы, тоже был обязан хранить эту страшную тайну. И я её сохраняю!

Доктор, увидев мою реакцию, лишь тяжело вздохнул и мягко похлопал меня по одеялу там, где угадывалось плечо.

- Ничего, ничего, вспомнишь ещё... Главное, что живой...

Он ушёл, оставив меня наедине со своими переживаниями. Я лежал, глядя в потолок, и чувствовал, как по щеке медленно скатывается слеза. Это плакал он, Сергей. Это его боль отозвалась во мне, как моя собственная. Он любил своих близких, но ради их будущего пошёл на такой отчаянный шаг. Даже не знаю, как бы я поступил на его месте? Скорее всего, что так же.

Так прошло еще некоторое время. Я пытался не отчаиваться, но это было невыносимо сложно. Каждый день в этом теле был напоминанием о чужом подвиге и моей душевной боли. Я был жив, но жизнь эта была похожа на медленное, мучительное угасание в тишине больничных стен, наполненных стонами раненых, запахом крови и смерти. Но самого меня, похоже, смерть будет обходить десятой дорогой.

И вот однажды ночью случилось нечто, что перевернуло все мои представления о реальности еще раз. Сначала я не понял, что происходит — просто ощутил резкое и леденящее дуновение ветра. Хотя никакого ветра не было и в помине. А затем вся огромная палата, набитая под завязку тяжелоранеными, и стонущими от боли даже во сне бойцами, внезапно разом замолкла.

Повисла абсолютная звенящая тишина, неестественная и пугающая. Затихли не только пациенты - исчезли привычные ночные шорохи: не было слышно ни шагов дежурной медсестры, ни скрипа дверей и разошедшихся половиц, ни даже приглушенных разговоров санитаров за стеной. Даже вечно жужжащие назойливые мухи, казалось, заснули, валяясь на подоконнике лапками вверх, словно высохшие трупики.

Заснули все, кроме меня. Сердце отчего-то бешено заколотилось в груди, а по спине пробежал холодный пот, словно в предчувствии чего-то непоправимого. Я с трудом приподнял голову на подушке и огляделся по сторонам. Увиденное впилося в сознание ледяным ужасом.

Между кроватями особо тяжелых пациентов неторопливо и бесшумно плыла... тень? Я присмотрелся - нет, это была не тень. Это была отвратительная, сгорбленная старуха в каких-то лохмотьях, развевающихся несуществующими порывами ветра. Её фигура тоже как будто колебалась, словно туманное марево. И именно от нее веяло тем леденящим холодом, который я почувствовал.

Старуха неторопливо шла, временами наклоняясь к лицу то одного, то другого бойца. И в тот миг, когда ее губы почти касались чужих, изо рта несчастного исходило слабое, едва заметное сияние - теплый, золотистый сгусток света. Старуха втягивала его в себя, с удовольствием поглощая, чтобы через мгновение поплыть дальше, став чуть более плотной и реальной. Боец же замирал и, похоже, навечно.

Остановив дыхание, я вжался в подушку, понимая, что становлюсь свидетелем чего-то запредельного, древнего и неумолимого. Возможно, что это была сама Смерть, хотя я представлял её себе немного иначе. Но, если это Смерть, может быть, я сейчас решу и свою неразрешимую проблему. Только вот старуха, отчего-то, не торопилась ко мне подходить. Пришлось проявить настойчивость и обратить её внимание на себя.

- Эй, уважаемая! — громко позвал я неведомое мне существо, о принадлежности которого к человеческому роду я весьма сомневался. — Возьми и мою жизнь! Чего тебе стоит?

Глава 2

Выпалив это, я тут же пожалел о своей отчаянной дерзости – надо было сначала при-смотреться, а затем уже решать, как поступить. Но моё собственное отчаяние, помноженное на «остаточные реакции» Серёги, которые, нет-нет, да брали верх, сыграли со мной злую шутку.

Старуха, склонившаяся над очередным неподвижным телом, услышала мой призыв и резко остановилась, словно опешив от неожиданности. Её и без того горбатая спина, замерла в еще более неестественной позе. Казалось, даже сам воздух завибрировал от напряжения, затопившего палату военного госпиталя.

Старуха резко развернулась в мою сторону. И случилось невообразимое: не сделав ни шага, она мгновенно, каким-то противоестественным «прыжком», преодолела пространство палаты и приблизилась к моей кровати. Только что она была далеко - у самого входа, и вот уже склоняется надо мной, заслонив собой весь обзор. От неё пахло леденящим душу холодом и едва заметным «ароматом» разложения.

- Кто это у нас тут такой смелый? - прошипела она, склонив голову набок.

Шея старухи хрустнула с сухим щелкающим звуком, а два уголька её светящихся глаз впились в мои глаза, вытягивая из самой глубины души всё тепло, всю волю. - Почему не спишь, как остальные? — неожиданно сварливо накинулась она на меня.

- Так не хочется, бабуль, - честно ответил я, уже полностью взяв себя в руки.

- Эх, какой устойчивый попался! – удивлённо качнула головой старая. – Так-то раньше на всех смертных моя ворожба действовала безотказно.

Ворожба, значит? Интересно девки пляшут, по четыре штуки в ряд! Значит, передо мной точно не олицетворение Смерти... Тогда кто? Злобная ведьма, как в страшных детских сказках?

- Так, наверное, выпался на сотню лет вперед, - иронично усмехнулся я. – Чего еще мне, убогому калеке, без рук и без ног делать?

- И откель ты только такой взялся, милоч? – не успокаивалась бабка, наклонившись еще ближе.

Её рука, больше похожая на скрюченную куриную лапу, медленно поползла к моему лицу. Мне неожиданно захотелось крикнуть, что я передумал, но не смог пошевелить ни единым мускулом. Я мог только смотреть в эти сверкающие угольки глаз, не смея оторвать от них своего взгляда.

Её костлявые пальцы коснулись моего лба, и в голове всё перекошилось: мысли спутались, поплыли, как в дурном бреду. Я на мгновение потерялся, позабыв даже где я, кто я и как меня зовут. Однако длилось такое состояние недолго - где-то в самой глубине сознания, под нарастающим ватным оцепенением затравленно зашевелилось обжигающее чувство протеста.

А затем оно выплеснулось яростной волной, сметающей всё на своём пути. Эффект был мгновенным и ошеломляющим. Старуха дёрнулась назад, будто её ошпарили кипятком. Сверкающие угольки её глаз сузились от ярости и... недоверия.

- Двоедушец? - Её шипение стало пронзительным, визгливым, лишённым всей прежней уверенности. – Да еще и отмеченный печатью Двуликого? – Старуха явно пребывала в полном раздрае чувств после моей неожиданной выходки. – Давненько такого не встречала... - задумчиво произнесла она, продолжая с изумлением пялиться на меня, словно на какую-то неведому зверушку, но уже с безопасного расстояния.

- Что еще за Двуликий? – А вот меня, наоборот, очень заинтересовали её неожиданные признания. Возможно, что с её помощью я смогу разобраться, что же, в конце концов, произошло со мной и Серёгой, в теле которого я оказался.

- А ты и этого не знаешь? - Старуха презрительно фыркнула, и огоньки в её глазах погасли. – Раньше такую «метку» получали только его жрецы, а не пришлые...

- Да кто он вообще такой, это Дзуликий?

- Эх, дурилка! Дзуликий - Повелитель Времени, Хозяин Врат и Хранитель Порогов! Считала, старая, что он давно канул в Лету, как и прочие забытые боги. Ан нет, видно, ошиблась. Но его печать на тебе. Нешто вернулси?

А вот это тоже похоже на правду. Ведь я, как-никак, а назад во времени «провалился». И если этот Дзуликий им вертит, как хочет, то с него надо требовать ответа. Вот только где он, а где я?

- А мне почём знать, старая? – Пожал я плечами. – Сама видишь... Кому я такой сдался?

- И я демонстративно шевельнул своими культями. – И твоему Дзуликому до меня никакого дела нет!

- Ой, ни скажи, пришлый! Ой, ни скажи! - хохотнула бабка, а её жуткий образ уродливой карги неожиданным образом «трансформировался» в благообразную старушку – «божий одуванчик». Даже горб у неё исчез, а лохмотья превратились в добротное деревенское платье с вышивкой. – Дзуликий никогда ничего не делает просто так. Он еще тот выдумщик. – И она лукаво прищурилась. – Даже могучие боги, бывало, плакали от его весёлых затей кровавыми слезами.

- Вот оно, даже, как... Ну, куда уж мне-то тягаться – я ж не могучий бог... В общем, так, старая, забирай мою жизнь – и дело с концом! Измучился я... Чего делать-то надо? Чтобы побыстрее сдохнуть?

- Э-э-э, нет! – Старуха погрозила мне пальцем. – Даже не надейся с такой-то отметиной. Я, хоть и стара вельми, и в силе немалой, но с Вершителями бодаться не буду – самой может боком выйти. Так что, звиняй, милоч... - Она виновато развела руками.

- Ага, понятно, бананьев нема, - печально добил я её слова концовкой известного бородатого анекдота².

- Чегось? – не поняла моей аллюзии старуха.

- Да ладно, бабка, не бери в голову! – устало произнёс я. – Придётся мне, похоже, и дальше мучиться... А ты, вообще, кто? Я тебя ведь поначалу за саму Смерть принял, но теперь вижу, что это не так.

- Поначалу-то, как и ты – простой смертной была, - «мило» улыбнулась старушенция, свернув острыми зубами, которым позавидовали бы и пираньи. – Опосля смерти, очень нехорошей смерти, Навкою восстала. Ну, а как в силу лет сто назад вошла - так Изморю и по сей день скитаюсь. Еще лет через двести, глядишь, и до Лиха дорасту.

- Измора... - Наморщил я лоб, пытаюсь хоть что-то вспомнить на этот счет. – Про навокмавок еще в сказках слышал, в вот про Измору – нет. Людей, значит, моришь, бабуль? – Попытался сделать я хоть какой-то вывод, следующий из названия потусторонней твари.

- Не без этого, - согласно кивнула бабка. - Судьба у нежити такая – жить за чужой счёт. Иначе, сам понимаешь – развеюсь, аки туман по утру. А они всё равно бы умерли в жутких муках через пару дней, - заметив мой недобрый взгляд, пробежавший по заснувшим навечно раненым бойцам, произнесла она миролюбиво, - а так, хотя бы, не страдали.

Я лишь мрачно хмыкнул:

- А ты их спросила: хотят ли они такого милосердия? А вдруг выжили бы?

- Не выжили бы, - мотнула головой старуха, – уж это я чувю! Природа моя такая, касатик.

² В одном купе едут украинец и два негра-студента. Украинiec достает хлеб, сало, помидоры и начинает со вкусом есть. Замечает голодные глаза негров.

«Ну, да, - пронеслась в голове дикая мысль, - удобная философия для прожорливой злобной твари, хотя я раньше и не подозревал, что такое вообще возможно. Слишком уж «очеловечено» она себя ведет».

- Ладно, с твоей благотворительностью всё понятно, старая, - желчно проворчал я. – А что насчёт меня? Если не можешь прикончить, так может, подскажешь, что со всей этой хернёй делать? Я ведь даже и удавиться сам не могу.

Старуха присела на краешек моей кровати, сложила руки на коленях и уставилась на меня со всей возможной серьезностью.

- А путь у тебя один, милоч. К его Вратам...

- Каким ещё вратам?

- Это места Силы, касатик – вот и ищи их.

- Твою дивизию! – выругался я. - Думаешь, понятнее стало? Где мне их искать-то?

- Там, где стены миров тонки, где прошлое с будущим рука об руку ходят, где тропа междумирья Вершителями протоптана, - тягучим речитативом затянула Измора. - Капища древних богов, курганы былых повелителей, перекрёстки семи дорог...

- И как я туда, по-твоему, доберусь? – рявкнул я во весь голос, чудовищно разозлившись. – Без ног и без рук? А?

Она помолчала, а потом лицо её озарила хитрая ухмылка.

- Не могу я твою жизнь отнять, - произнесла она, прищурившись, - а вот наделить тебя кое-чем – могу. Это может понравиться Двудликому – так будет куда интереснее... А если он вернулся – этот мир ждут настоящие потрясения. И заручиться поддержкой одного из Вершителей, мне совсем не помешает.

Я насторожился. Когда тебе что-то предлагают именно с таким выражением лица – сто раз отмерь, прежде, чем соглашаться. Но мне терять было абсолютно нечего, поэтому я даже не подумал отказываться.

- И чего ты мне такого можешь предложить? Неужели, руки-ноги вырастить сумеешь?

- Нет, - мотнула головой Измора, - ты их сам «вырастишь»!

Вот тут-то я и обалдел:

- Как?

- Ты ведь уже умирал, пришлый? Не так ли? Я чувствую на одной из твоих душ ожог, оставленный Навью. Пусть слабый, едва различимый, но он есть. Ты в чем-то такой же, как я, двоедушец... Поэтому я могу передать тебе часть своего дара...

- Людей морить? – Это первое, что пришло мне в голову. - Вот как ты сейчас?

- Нет, - рассмеялась старуха, и в её глазах вспыхнули те самые огоньки, что я видел в самом начале, - такое ты не осилишь... пока. А там, как знать? Я дарую тебе возможность поглощать дыхание жизни, но только тех, кого ты собственноручно отправишь в Навь. Чужая смерть, пусть даже и по твоей вине, но не твоей рукой совершенная – не в счёт.

Я молчал, пытаюсь осмыслить услышанное. Это звучало как какая-то адская сделка из страшных сказок. Сейчас, наверное, старая карга еще и кровью расписаться потребует.

- То есть... чтобы вырастить себе ноги и руки, мне нужно... убить человека? – с трудом выдавил я.

- Ну, ты прямо догада, пришлый! – оскалилась злобная тварь, постепенно теряя вид благообразной старушки. – С помощью дыхания жизни твои ноги и руки отрастут. Но только на один день... Вернее, ночь. С восходом солнца темная волшба развеется, как утренний туман, а ты опять станешь убогим калекой. Помни об этом, пришлый! И так каждый раз! За одну ночь с ногами и руками – одна жизнь! Ну, как, двоедушец, ударим по рукам?

Древняя тварь выжидающе смотрела на меня, и в её взгляде читалось любопытство. Мне же казалось, что я стою на краю пропасти. Один шаг – и я уже не буду тем, кем был всегда. Но другой дороги не было - выбор на самом деле был лишь иллюзией.

Меня спасало одно – идёт война и кровь льётся рекой, так что недостатка в «живой силе» не будет. Вопросов, кого пускать «под нож», тоже не возникнет – фашистов сейчас на нашей земле хоть отбавляй. Так что в ближайшее время я себя «дыханием жизни» обеспечу. А там, глядишь, и грёбанные ворота этого Двудликого отыщу, и спрошу уже с него.

- А запасы делать можно? – неожиданно ошарашил я дьявольское отродье. – Допустим, двух за раз завалю – на две ночи хватит?

- Ха! А ты мне нравишься, касатик! – неожиданно обрадовалась старуха. – С таким рвением далеко пойдешь! Двудликий будет мной доволен!

- Я согласен! - хрипло выдохнул я. - Что от меня нужно?

Лицо Изморы, в котором не осталось и следа от «божьего одуванчика», исказилось в довольной гримасе.

- Так крови, милоч. Для скрепления договора.

Ну, вот, о чём я говорил? Все темные дела – они кровавые по умолчанию.

Старуха провела острым ногтем, больше похожим на медвежий коготь, по своему запястью, и на бледной коже выступила густая, черная как смоль жидкость, от которой пахло запахом тления и сырой земли. Я замер. У меня не было рук, чтобы совершить подобный жест.

- Эх, забыла, старая! - фальшиво посокрушалась чёртова тварь. - Ну, ничего - сама всё сделаю.

Ее костлявый палец с тем самым ногтем резко дернулся к моему лицу и царапнул по щеке. Боль была острой и обжигающей. Порез был неглубоким, но капли крови выступили мгновенно. Она тут же поднесла свое запястье к моей щеке, с силой прижала, смешивая нашу кровь.

Мир на секунду подёрнулся дымкой, комната закружилась, звуки стали приглушенными, будто я нырнул под воду. По моей коже пробежала волна ледящего холода, а за ней - пекло, словно по венам побежала не кровь, а расплавленный свинец. Я невольно застонал, пытаюсь вырваться, но хватка старушечки была железной.

- Терпи, двоедушец! – каркала она у меня над ухом, удерживая мою голову, словно в тисках. - Первый раз принимать Навь - всегда тяжело!

Наконец холод и жар схлынули, сменившись странной, пульсирующей пустотой в самой «сердцевине» моего существа. Возникло такое чувство, что внутри меня открылась новая «полость», связанная с абсолютной тьмой, и теперь жадно требующей своего наполнения.

Измора отпустила меня и отступила на шаг, с удовлетворением наблюдая, как я тяжело дышу, пытаюсь прийти в себя.

- Ну, вот и всё, пришлый! – довольно констатировала она. - Дар передан! Надеюсь, Двудликий оценит мой скромный дар...

Она повернулась и, не сказав больше ни слова, «поплыла» к выходу из палаты. Ее фигура снова начала меняться, превращаясь в тот самый уродливый, сторбленный силуэт, который я увидел первым, постепенно теряя материальность. На пороге она обернулась, и ее глаза, два горящих уголька, на миг встретились с моими.

- Э-э-э, старая, а ты куда?! – возмущенно воскликнул я. – Ты что, собралась просто уйти, бросив меня с этим... этим даром? А рассказать, как этим пользоваться? Научить, в конце-то концов!

Измора, уже развернувшись к выходу, остановилась и медленно обернулась. Её лицо, снова принявшее облик безобидной старушки, выражало насмешку.

- А чему тут учить, милоч? Оно само придёт. Главное поглотить – коснуться, когда дух из тела уходит, или вдохнуть, как я. Впитаешь – и поймёшь, каково это...

- Это всё?! – взорвался я. – «Само придёт»? Я сейчас лежу, как бревно! Как я вообще смогу кого-то убить? Только если зубами глотку кому перегрызу... Так для этого он еще и упасть рядом со мной должен.

- Эх, неблагодарный... - Старуха вздохнула с преувеличенным страданием на лице, будто я отвлекаю её от очень важных дел. - Ну, ладно, так и быть - первый раз покажу тебе. Чтобы ты прочувствовал... И помни мою доброту!

Измора опять каким-то быстрым и невероятным образом переместилась от дверей палаты к моей кровати и нависла надо мной, сверля светящимися глазами.

Из её полукруглого рта выползла туманная, мерцающая искорками струйка – совсем слабая, едва видимая. Старуха выдохнула её из себя, словно дым от сигареты. А я... я почувствовал, что готов принять эту странную субстанцию. Мало того, я ощутил, как в той самой моей «внутренней полости» что-то дрогнуло, словно проснулся дикий зверь, учуявший желанную добычу.

Жажда – вот на что это было похоже больше всего. Ненасытная, звериная потребность в крови, а точнее - в этой субстанции, названной старухой «дыханием жизни».

- Чувствуешь? – Я невольно вздрогнул, когда голос Изморя прозвучал прямо у меня в голове, хотя её губы не шевелились. – Это голод. Запомни это чувство, пришлый. Оно будет твоим поводырём. А теперь поглотить эту силу... Давай!

Я просто вдохнул, стараясь засосать эту мерцающую струйку внутрь себя, как будто глоток воздуха. Но у меня ничего не получилось. Воздух спокойно входил в мои лёгкие, но мерцающее огоньками «дыхание жизни» даже не сдвинулось с места.

- Не так, дурень! – прошипела у меня в голове старуха. - Желанием. Волей. Голодом!

Я зажмурился, отчаянно пытаюсь сделать то, чего не понимал. Я сосредоточился на «голоде», представил его, вспомнил это дрожащее чувство внутри. И пустота отозвалась. Она взметнулась, устремилась наружу, и мне показалось, что из моей груди выметнулась невидимая когтистая лапа хищника, холодная и цепкая.

И в тот же миг дыхание жизни хлынуло в меня. Это не было больно, даже наоборот... И это было... всепоглощающе. Чужая жизнь, вернее, её остатки, ворвались в мою пустоту бурлящим потоком. И по всему моему телу разлилось пьянящее, дикое тепло.

- Получилось! – довольно проскрипело чудовище в виде уродливой бабки. – А теперь просто поверь, что у тебя растут руки и ноги!

Я тут же попытался это проверить, и почувствовал, как заныли кости, а кожа на плечах и бёдрах невыносимо зазудела, как будто мои утраченные конечности начали стремительно увеличиваться. Я открыл глаза, все ещё не веря ощущениям.

Из моих покалеченных плеч, медленно, с тихим хрустом, стали прорастать туманные, полупрозрачные, но вполне различимые подобия рук. То же самое происходило и с ногами. Они были словно вылеплены из теней и лунного света, но я точно чувствовал их! И мог ими управлять!

- Это просто сказка какая-то! – выдохнул я, поднося ладони к самому лицу. – И надолго всего этого хватит?

Глава 3

Измора не замедлила ответить:

- До восхода солнца, пришлый! Но не вся сила уйдёт. Неистраченная часть дыхания жизни останется в твоём внутреннем лабазе.

- В чём? – не понял я, всё ещё не отрывая взгляда от своих новых, призрачных рук.

- В полости, что я в тебе открыла. Это как кладовая. Ты можешь копить там отнятую у смерти силу. Убьёшь одного – хватит на ночь. Убьёшь двух в одну ночь – излишек отправится в лабаз, и ты сможешь воспользоваться им следующей ночью. Но правило нерушимо: на день ты всё равно вернёшься в своё прежнее состояние. Сила из лабаза тратится только во мраке ночи.

- Понятно, – кивнул я, уже мысленно переименовывая её «лабаз» в более привычное «резерв». – Значит, одна смерть – одна ночь. Две смерти – значит, еще можно сохранить в резерве на следующую ночь.

- Да, так и есть. И еще: та сила, которую ты поглотил сейчас, не развеется к завтрашней ночи. Это – мой тебе подарок, для того, чтобы ты нашел себе первую жертву. Но помни: не тани слишком долго, а то протухнет и моя сила, аки стоячая вода.

- Сколько времени у меня есть?

- Не знаю, – пожала она плечами. – Но на несколько ночей её точно хватит. И не забудь обо мне, когда найдёшь Врата и Двуликого... Он явно затеял с тобой что-то занятное...

Горбатая фигура Изморы начала медленно таять, расплываясь в воздухе, как дым. Вскоре она исчезла окончательно, оставив меня наедине с тишиной палаты, запахом крови, смерти и новыми, невероятными ощущениями. Я лежал и смотрел на свои руки, утратившие свою прозрачность, сжимая и разжимая кулаки.

Где-то за стенами госпиталя грохотала война. Там было полно тех, кого можно было без угрызений совести отправить напрямик «в Навь», как выразилась старуха. Теперь у меня появилась цель и шанс, хоть как-то изменить собственное будущее.

«Ладно, Двуликий, – подумал я, глядя в потолок, – раз уж ты втянул меня в эту игру, придётся играть. Только еще посмотрим, по чьим правилам она пойдёт...»

Я медленно, будто боясь спугнуть удачу, приподнялся на своей отросшей руке. Она выдержала. Камень с души свалился. Я мог двигаться. Пусть это и «временные конечности» – но они слушались и были вполне работоспособными! Я снова был функционален, а значит – способен на многое!

Со скрипом пружин я опустил ноги с кровати и встал. Пол был холодным и шершавым под моими босыми стопами. Черт возьми, как же я соскучился по всем этим, вроде бы привычным ощущениям, на которые в обычной жизни и внимания-то не особо обращаешь.

Я сделал первый шаг, потом второй. Тело слушалось, хоть и двигалось чуть-чуть не так, как я привык. Но по-другому и быть не могло – оно же еще и чужое. Я подошел к ближайшему окну, занавешенному плотной тканью, и выглянул в узкую щель.

Ночь. Зарево пожаров на горизонте. Где-то вдалеке глухо ухало. Война шла на нашей территории. Надо бы узнать сегодняшнюю дату, ведь, если мне не изменяет память, вскоре немцы сломят оборону города и оккупируют Севастополь. Раненых надо срочно эвакуировать!

А вот я останусь, чтобы наполнить «дыханием жизни», отнятым у фрицев, свой «резерв». Их нужно убивать самому. Собственноручно. Чтобы в момент перехода души в Навь успеть вдохнуть, впитать, украсть эту силу. Но для начала нужно озаботиться оружием.

И, чёрт, я так и не спросил, можно ли стрелять в этих ублюдков, колоть и резать холодным оружием, либо откручивать головы голыми руками? Ладно, придётся поначалу поэкспериментировать...

И в это мгновение сонная волшба изморы внезапно развеялась. Гробовую тишину палаты разорвали стоны раненых. Глухие, прерывистые, полные боли. Кто-то резко закашлялся, кто-то бессвязно забормотал. За стенкой сразу же засуетились врачи и санитары, послышались торопливые шаги и возбужденные голоса.

Я в два прыжка оказался у своей кровати и буквально нырнул под грубое солдатское одеяло, натянув его до самого подбородка. Затем затаился, стараясь дышать ровно и глубоко, изображая сон. Хотя, все мои ухищрения – полная лажа, если кто-то из медперсонала, или соседей по палате внимательно на меня посмотрит. Спрятать вдруг отросшие руки и ноги под одеялом просто нереально.

Дверь с скрипом распахнулась, и в палату ворвались две санитарки с озабоченными лицами. Понимаю их недоумение – объяснить полную и одновременную «отключку» всего госпиталя никто из них был не в состоянии. Фельдшерицы засуетились вокруг тех, чью жизнь забрала себе старуха.

Меня их внимание пока не затронуло. Я лежал, не шевелясь, чувствуя, как под одеялом мои новоприобретённые руки начинают терять плотность. Рассвет близок. Ко мне медработники подошли лишь под утро, когда серый свет уже пробивался сквозь щели в занавесках.

Но никто из них даже не заметил ничего странного – мои руки и ноги уже исчезли к этому времени. На их месте снова были лишь культы. Словно и не было ничего. Ни старухи, ни дара, ни призрачных конечностей. Только леденящая «пустота» внутри, та самая «полость», напоминала о том, что все это не было бредом моего истерзанного сознания.

Но эта «полость» не была пустой – я чувствовал в ней наличие сил, подаренных мне старой каргой. Этого запаса хватило бы на несколько ночей, но медлить было нельзя. Нужно было начинать действовать уже сегодня ночью, пока сила «не протухла». Рисковать мне совершенно не хотелось.

Как только в палате стало совсем светло и начался обход, я окликнул молодого санитаря, перевязывающего раненого в соседней койке.

- Слышь, браток, а какое сегодня число? После ранения голова никак не соображает.

- Третьего июля сегодня, браток, – не глядя буркнул санитар, озабоченно сдвинув брови. – Лежи, не мешай.

Третьего июля? Черт! Меня словно обдало ледяным дождём, ведь именно сегодня ночью будет сломлено последнее сопротивление, а завтра город окончательно падёт! Всех возьмут в плен, а калек... калек ждёт незавидная участь.

Когда спустя пару часов в палату зашёл главврач, суровый мужчина с усталым и осунувшимся лицом, я не выдержал:

– Товарищ врач! Раненых нужно срочно эвакуировать! Почему медлите? Немцы же вот-вот войдут в город!

Врач остановился возле моей койки, тяжело взглянул на меня поверх очков.

– Не надо паники, товарищ боец! – Его голос был сухим и безжизненным. – Как только представится такая возможность – нас сразу эвакуируют, – механически ответил врач. – Пока же приказ – держаться! Всем! Так что успокойтесь, товарищ и... Лечитесь! – Он резко развернулся и ушёл, только его белый халат мелькнул в дверном проёме.

- Лечитесь? – крикнул я ему в спину. – От чего, доктор? От отсутствия рук и ног?

Теперь всё встало на свои места – спасения ждать было неоткуда. Я помнил из истории, что при падении Севастополя в июле 1942 года произошла трагедия. Из-за невозможности полной эвакуации в городе и прибрежных районах остались десятки тысяч советских солдат, включая тысячи раненых в госпиталях и медсанбатах.

Значит, рассчитывать стоит только на себя. Если бы это было возможно, я бы постарался спасти всех... Но я, увы, не в состоянии этого сделать. Поэтому первоочередная задача спа-

стись самому, и постараться отомстить немцам. Я открою на них настоящую охоту, чтобы мой «резерв» треснул от скопившихся в нём сил.

Сегодня ночью мне предстояло выбраться из этого госпиталя. Возможно, это мой последний шанс. Что сделают нацисты с такими калеками, я себе прекрасно представлял. Никакой жалости не будет. Хорошо, если живьем не закопают, чтобы не тратить боеприпасы.

Ночные «приключения» основательно меня вымотали, и физические силы покинули окончательно. Если действовать мне предстояло только ночью, а днем я буду вновь превращаться в беспомощную амёбу, то и режим дня нужно было перекраивать соответственно.

Главное для меня сейчас – как следует выспаться. Я сосредоточился, намеренно игнорируя суету и стоны вокруг, и постепенно погрузился в крепкий сон, тяжёлый и без сновидений. Я проспал почти до самого вечера, несмотря на совершенно не подходящую для сна обстановку.

А проснулся я от оглушительного крика, ворвавшегося в палату вместе с грохотом взрыва, прозвучавшего где-то совсем рядом:

- Тревога! Немцы в городе! Они уже на подступах к госпиталю!

С улицы донеслась частая, беспорядочная стрельба, перемежающаяся гортанными командами на немецком. Я прекрасно их слышал из раскрытого окна. В коридоре застучали сапоги, и чей-то сорванный голос завопил:

- Оружие! Все, кто может держать оружие - ко мне!

Этот нервный крик стегнул меня словно плёткой, окончательно вырвав из крепких объятий сна. Хотя я и был готов к подобному раскладу, но реальность ударила мгновенно и безжалостно, да еще и раньше, чем я рассчитывал. Ведь ночь еще не наступила, и я был полностью бессилен что-либо предпринять.

В палате поднялась нервная и неупорядоченная суета. Те, кто мог хоть как-то двигаться, сбрасывали с себя одеяла, пытаясь встать. Кто-то искал костыли, кто-то не удержался на ногах, упал и просто полз по полу, не в силах подняться.

А я лежал. Беспомощный, как младенец. Сумерки только-только начинали затягивать небо сизым пологом, и до момента, когда окончательно стемнеет, еще была целая вечность. Сердце бешено колотилось, надпочечники впрыскивали в кровь адреналин, требуя немедленного действия. Но что я мог? Оставалось только лежать, наблюдать и слушать.

Где-то во дворе госпиталя гремели выстрелы – наши пытались организовать хоть какую-то оборону у главных ворот. Послышались крики на ломаном русском:

- Сдавайся, русишь! Живой – карашо, мертвый – плохо!!

- Да пошёл ты... - крикнул кто-то в ответ, замолкнув на полуслове.

Ответом были новые выстрелы и взрывы гранат. Бой был коротким и яростным: отчаянные одиночные хлопки наших винтовок, затем оглушительные очереди немецких автоматов, а затем всё стихло. Слишком уж неравными были силы сторон.

Тяжелый, уверенный топот подкованных металлом сапог раздался из коридора госпиталя. Двери в многочисленные палаты с грохотом распахивались одна за другой. Временами раздавались одиночные выстрелы, и кто-то падал. Вскоре очередь дошла и до нас, тех, кто так и не мог самостоятельно подняться на ноги. А у некоторых, как и у меня, их попросту не было – в нашей палате лежали самые «тяжёлые».

Дверь с треском отлетела в сторону, шибанулась о стену, разбивая в пыль штукатурку. В проеме возникли двое фрицев в полевой форме с автоматами наперевес. Они быстрыми оценивающими взглядами скользнули по палате, по койкам с бойцами, выискивая потенциальную угрозу.

Один из них, молодой парень с обветренной «лошадиной» мордой, что-то гавкнул своему напарнику - толстому унтеру с красной от жары харей. Из-за выстрелов, доносящихся с улицы сквозь окно, я не сумел разобрать, что он сказал. Так-то немецким я владею достойно еще с

детства – мой отец после войны служил в ГУПВИЗ³, и мне часто приходилось бывать у него на службе, впитывая немецкую речь.

Толстяк кивнул своему напарнику и рявкнул, показательно тыча в нас стволом «шмай-сера»:

- Alle! Aufstehen! Schnell!

[Все! Встать! Быстро!]

Никто не двинулся с места. Не потому что не хотели, а потому что большинство просто не могли. Все, кто мог, уже покинули палату, остались только «лежачие». Унтер, буркнув что-то ругательное, сделал шаг вперед и грубо сдернул одеяло с бойца на ближайшей к двери койке. Тот глухо застонал – буквально все его тело было посечено осколками, а бинты – алые от пропитавшей их крови.

Немец скривился в отвращении.

- Scheiße... – проворчал он, уставившись на раненного красноармейца маленькими свинячьими глазами. – Dreckschwein! – сказал своему напарнику, и оба коротко рассмеялись. Потом он плюнул на пол прямо у его кровати, развернулся и вышел, крича в коридор:

- Herr Leutnant! Hier gibt es nichts als Müll! Behinderte Menschen!

[Дерьмо... Грязная свинья! Господин лейтенант! Здесь только мусор! Инвалиды!]

Я закрыл глаза, стараясь заглушить бешенство и жгучую ненависть, подкатывавшую к горлу. Мы были для них мусором. Ничтожным, жалким. Что будет с нами дальше – одному Богу известно. Я бросил в окно взгляд полный надежд – солнце садилось. Мне бы еще немного времени... Еще чуть-чуть, и тогда я дорого продам свою жизнь этим уродам! Несколько уже точно с собой заберу.

Шаги затихли в дальнем конце коридора. В палате воцарилась гнетущая, унижительная тишина, полная страха и безысходности. Немцы были здесь и сейчас хозяевами положения. Я снова бросил взгляд за окно – небо «густело», наливаясь чернильной мглой.

Но тишина стояла недолго – её разорвал тот же самый уверенный топот, вновь приближающийся к нашей палате. На сей раз в дверном проеме возникла высокая и подтянутая фигура офицера с холодными и безразличными глазами цвета фельдграу, как и его форма. Он бегло и лениво окинул взглядом палату, его взгляд брезгливо скользнул по нашим изможденным лицам, по кулям и кровавым бинтам.

Я отлично слышал сквозь нарастающий шум в ушах, как он бросил ожидавшим у двери солдатам:

- Erledigen Sie das. Schnell.

[Разберитесь с этим. Быстро.]

- Jawohl, Herr Leutnant! – синхронно отрапортовали фрицы, вытянувшись во фронт.

Ублюдок развернулся и вышел – его миссия здесь была завершена. А двое автоматчиков, получивших поистине живодерский приказ, вновь вошли в палату. Их лица были напряжены, но не более того – никаких угрызений совести они не чувствовали.

Толстый унтер без лишних слов поднял свой МР-40, навёл его на бойца, посеченного осколками и... резкий хлопок. Я знал, что это автоматическое оружие, не имеет переводчика

³ Главное управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) – подразделение НКВД СССР, МВД СССР, осуществлявшее руководство местами заключения военнопленных и интернированных в 1939—1953 годах.

огня для одиночных выстрелов, и стреляет только очередями. Однако, из-за низкого темпа стрельбы и использования открытого затвора, опытный стрелок мог контролировать спуск для производства одиночных выстрелов.

Похоже, что толстяк умел обращаться с автоматом, а вот его молодой напарник – не очень. С его стороны прозвучала короткая сухая очередь. Стон очередного раненого красноармейца оборвался. Фриц с лошадиной рожей методично и без суеты двинулся к следующей койке.

Среди тех, кто из нас хоть немного мог соображать и находился в сознании, пробежала искра понимания, что сейчас станет со всеми нами. Кто-то попытался закричать, но звук застрял в пересохшем горле. Кто-то бессильно забился, стараясь сползти с кровати в «укрытие», которого здесь не было.

Убийцы медленно шли между кроватей, и я видел, как широко раскрылись глаза моего соседа справа, пожилого солдата с перебинтованной грудью. А грёбанный каратель с лошадиной мордой уже приближался к нему. В этот миг последний лучик солнца скользнул по подоконнику и погас. И Тьма внутри меня всколыхнулась.

Она вырвалась наружу ледяной волной из той самой «полости», и по моему телу, по плечам и бедрам, разлилось знакомое покалывание. Из моих культей, прямо под грубым одеялом, с тихим хрустом начали прорастать мои волшебные конечности. Сила, подаренная Изморой, наполнила меня, требуя выхода.

Немец уже наставил ствол в грудь моего соседа, а его палец потянулся к спуску. Я больше не думал – просто рванулся вперед. Одеяло отлетело в сторону, а моя новая, еще прозрачная рука молниеносно метнулась вперед, цепко обхватив холодный ствол автомата и резко дернув его на себя.

Немец, не ожидавший никакого сопротивления, от неожиданности выпустил ствол. На его и без того вытянутом лице застыло неподдельное изумление, аж челюсть отпала. Фриц на мгновение замер, уставившись на меня – на мои сияющие в полумраке конечности, на мое искаженное яростью лицо. Он видел уже не калеку. Он увидел свою смерть, поднявшуюся с больничной койки.

- Was zur Hölle?.. – успел выдохнуть он, и это были его последние слова.

[Какого чёрта?.. (нем.)]

Глава 4

Немец ненадолго завис, а я, сжимая в одной руке (всё ещё прозрачной) выхваченный у него автомат, со всей дури засветил ему в висок свободным кулаком.

Хрясь!

Его голова неестественно дёрнулась, и немец беззвучно осел на пол, словно подкошенный.

А кулак-то у меня действительно волшебный – так удачно проломить черепушку ублюдку, надо ещё умудриться. В палате повисла гробовая тишина, прерываемая лишь тяжёлым дыханием второго немца – толстяка, который только что убил очередного беспомощного красноармейца, а теперь застыл с широко раскрытыми глазами, наблюдая за гибелью напарника от какой-то прозрачной руки.

Похоже, его мозг отказывался верить в происходящее.

Я не дал фрицу опомниться и рванулся к нему, бросив автомат на ближайшую пустую кровать. Я не хотел длительной перестрелкой привлечь к себе внимание – если к этому толстяку придёт подмога, я элементарно не выведу. Я хотел сделать всё тихо и собственными руками, чтобы затем выкачать из ублюдка его живительную силу.

Новое тело, руки и ноги слушались меня идеально, движения были стремительными и точными. Но, блин, фриц стоял далековато – и я элементарно не успевал проскочить разделяющее нас расстояние, чтобы разделаться с ним в тишине.

Толстяк оказался куда опытнее своего молодого сослуживца – он быстро опомнился, инстинктивно вскинув автомат и пытаясь поймать меня на мушку. Казалось, ещё мгновение – и короткая очередь прошьёт меня насквозь. Я видел, как его зрачки сузились, концентрируясь на прицеле, и...

И в этот миг случилось нечто, чего не мог предвидеть никто, даже я. С ближайшей койки, где лежал, казалось, безнадёжный и практически беспомощный красноармеец с перебинтованной головой, метнулась к немцу исхудавшая рука. В белом от напряжения кулаке что-то блеснуло: то ли осколок оконного стекла, то ли обломок хирургического скальпеля – я не разглядел.

Но оно блеснуло, прежде чем вонзиться в толстую ляжку немца, обтянутую серо-зелёным сукном. Ублюдок тоненько вскрикнул и судорожно припал на пробитую ногу, «забыв» выстрелить. Он пытался удержать равновесие и развернуть ствол в сторону своего неожиданного обидчика, теряя драгоценные секунды.

Мне большего и не нужно было. Этих мгновений хватило, чтобы одним стремительным прыжком покрыть оставшееся расстояние. Тьма внутри ликовала, подпитывая мои новые конечности силой. Я не бежал – я будто летел над окровавленным полом, и прежде чем толстяк успел перевести взгляд на меня, я был уже рядом.

Запахи сгоревшего пороха, пота, крови и животного страха (к собственному изумлению, после дара Изморы я начал чётко ощущать его) ударили в ноздри. Вся моя мощь, вся стремительность прыжка ушли в одно техничное движение. Я повис на немце, будто дикий хищник на добыче, уцепившись теряющими прозрачность руками за его затылок и подбородок.

Сначала послышался хруст — негромкий, приглушённый, похожий на звук ломаемой сухой ветки. Это лопнули связки и сломались хрупкие шейные позвонки, не выдержав противоестественного скручивания. Его тело затряслось, а автомат выпал из ослабевших рук на пол.

Я не отпускал его ещё мгновение, чувствуя, как под моими руками жизнь покидает это массивное тело, как мышцы обмякают, превращая ещё живое тело в бесформенный и тёплый мешок с мясом и костями. Наши лица застыли друг против друга, и я взглянул в его постепенно тускнеющие глаза без всякого сожаления и жалости.

Ведь эти твари по собственному желанию пришли на нашу землю убивать наших людей. Не только здоровых мужчин, но и женщин, детей, стариков и беспомощных инвалидов. И я постараюсь сделать так, чтобы их как можно больше и осталось в этой земле, щедро пропитанной кровью моих соотечественников.

Тьма внутри меня шевельнулась, как хищник, почувствовавший законную добычу, и рванулась «наружу». Из приоткрытого рта немца потянулась тонкая, едва заметная струйка сияющего тумана. Она была тёплой, живой и невероятно желанной, словно глоток воды в раскалённой пустыне.

Я потянул эту струйку к себе, и она вошла в моё телобездвучным вихрем, не только через рот, а прямо через кожу, через пальцы, всё ещё удерживающие его холодеющую плоть. Даже будоражащие запахи пороха, свежей крови и страха отступили, растворившись в этом хмельном потоке.

Тьма внутри меня затрепетала от удовольствия, вбирая в себя эту субстанцию, наполняя «резерв». Когда в ублюдке совсем не осталось «жизни», светящийся поток оборвался. Я оттолкнул от себя бесчувственное тело, и оно грузно шлёпнулось на пол.

Я облизнул губы, ожидая взглядов ужаса от оставшихся в живых красноармейцев. Но их не было. Бойцы смотрели на меня с благоговейным страхом и с немым вопросом в глазах. Они видели, как я свернул шею немцу. Они видели мои теневые конечности.

Но светящейся субстанции, что я поглотил, они не заметили. Эту жуть видел только я. Это был мой личный ужас, мой личный крест и моя личная сила.

И справиться с ней, пустив на благое дело, могу только я.

Неожиданно моё внимание привлекло лёгкое, почти незаметное движение — немец, которому я проломил висок, судорожно дёрнул рукой. Похоже, он ещё окончательно не склеил ласты, и в нём всё ещё тлела угасающая искра жизни. Мой дар мгновенно «сделал стойку», поторапливая меня пополнить резерв ещё раз. Так сказать — впрок.

Я стремительно вернулся к умирающему и присел над ним на корточки. Его дыхание жизни было не таким «плотным», как у толстяка, оно было тонким, прерывистым, словно натянутая до предела струна, вот-вот готовая лопнуть. Но его тоже можно было использовать.

Правило — одна жизнь в обмен на одну ночь для меня с руками и ногами — действовало и в этом случае. Не знаю, какой здесь принцип, но упускать и этот шанс я не собирался. Недолго думая, я припал рядом с немцем, заслонив его от других раненых своим телом.

Немец не сопротивлялся — он уже был без сознания. Так и сдохнет тварь, не приходя в себя. Едва заметная струйка света, бледная и холодная, как предрассветный туман, начала медленно вытягиваться под действием моего дара из его приоткрытого рта.

Она входила в меня тонкой ледяной иглой, и Тьма внутри с жадностью вобрала эту крохотную «искорку», пополнив мой резерв. Сияние оборвалось, и немец затих окончательно. Тело его обмякло, превратившись в безжизненный труп. Я медленно поднялся на ноги и оглядел выживших красноармейцев, которых в сознании осталось лишь двое. Их лица были бледны, глаза расширены, но в них не было ужаса перед непонятной магией, а была лишь надежда.

Вот только какая? Ведь я, как бы мне этого ни хотелось, не смогу спасти их всех. Даже тех, кто сейчас в сознании. К тому же времени у меня было не так уж и много — утром я опять превращусь в совершенно беспомощного инвалида.

Тишину нарушил тихий хриплый голос с той самой койки, откуда метнулась спасительная рука с осколком: — Спасибо, браток... — Красноармеец сглотнул, пытаясь смочить пересохшее горло. — Что выжил... И этих тварей наказал... Думал, всё... кончат они тебя...

Я повернулся к нему.

- Это я тебе должен сказать спасибо, братишка, — голос мой прозвучал непривычно хрипло. — Если б не ты...

- Видал, как они... с ранеными обращаются? — Солдатик с трудом перевёл дух. — Нелюди.... А ты... ты что же такое? — задал он тот самый вопрос, на который я и не знал, что ответить. — Из-за тебя они... — Он кивком показал на мёртвых немцев. — Так обосрались... Не было у тебя ни ног, ни рук... Я ж тебя хорошо помню, танкист... А они ещё и светились... руки твои... Я же не брежу? Нет?

В его взгляде не было ни осуждения, ни отвращения — лишь изнурённое любопытство и всё та же безумная надежда.

- Нет, не бредишь, браток, - качнул я головой. - Я такой же, как и ты, — ответил я, подходя ближе. Мои «теневые» конечности стали совершенно обычными, окончательно утратив прозрачность. - Просто... кое-кто мне помог... Дал шанс отомстить... Но недолго — мне надо успеть до восхода... Потом я опять стану таким же, как и был... беспомощным калекой... Но чем больше я их убью, тем больше вероятность, что это опять повторится... — Мне вдруг страшно захотелось выговориться, рассказать хоть кому-то о том грузе, что давил меня изнутри. Пусть хотя бы этот товарищ поймет. — Эти твари, — я мотнул головой в сторону трупов, — они — «пища» для моего неожиданного «дара». А их смерть — цена за обретение рук и ног.

Я ожидал какой угодно реакции, но лицо красноармейца изказила не гримаса страха, а яростная и жестокая улыбка. Он с трудом приподнялся на локте, и его глаза загорелись мрачным огнем.

- Значит... отольются гадам наши муки? — И он удовлетворённо выдохнул. — Хороший торг, браток... Справедливый... Жаль, что этот твой дар... не мне достался... Корми его, танкист... Корми до отвала... Чтобы знали, падлы фашистские... - Он замолчал, исчерпав силы, и грузно откинулся на подушку, беззвучно шевеля губами.

- Согласен! — Коротко, по-солдатски произнёс его сосед по палате, тоже оставшийся в живых и молчавший все это время. Значит, он тоже все видел. — Бей эту погань и в хвост, и в гриву... И это, браток — оставь нам с дружкой автоматы, - неожиданно попросил он, коротко переглянувшись со вторым бойцом. - Я ж понимаю, что ты нас отсюда на одном горбу не вытащишь... А к утру и вовсе ноги с руками потеряешь... Нагонят тебя фрицы... А у одного хоть какой-то шанс уйти будет. А так мы и твой отход прикроем, знатно пошумев, ну и жизни свои подороже продадим...

Я медленно перевёл взгляд с одного бойца на другого. Они смотрели на меня не с просьбой о спасении, а с требованием оружия. С требованием шанса на последний бой. И я понял всё - они правы.

Эту простую мысль, придавившую мою душу неподъемным валуном, я ощутил почти физически. Горький привкус бессилия затопил меня. Я действительно не смогу спасти их всех. И осознание этого факта ожгло меня изнутри яростным огнём.

- Хорошо! - Я кивнул, вкладывая один из «шмайсеров» в руки пожилого солдата. — Держи, отец... Покарауль, пока я освобожу эту падаль от одежды, - попросил я, вновь наклонясь над телом первого немца, того самого, с лошадиной мордой.

Его форма, на первый взгляд, должна была на меня налезть и особо не бросаться в глаза, в отличие от кителя приземистого красномордого толстяка. Ну, не бегать же мне в исподнем? И я принялся скоренько раздевать этого дохлого уродца. Действия мои были быстрыми, практичными, лишёнными всякой почтительности к мёртвой плоти грёбаного захватчика.

Я рывком расстегнул ремень, стащил с него сапоги, грубо стянул китель и полевые брюки. Ткань, пропахшая чужим потом, порохом, а теперь ещё смертью, вызывала мерзкое отвращение. Но я был человеком опытным, много повидавшем на своём жизненном пути, и такая мелочь меня совершенно не волновала. Да и выбирать особо не приходилось.

Первыми я натянул штаны. Сидели они на мне сильно в обтяжку, хорошо, хоть застегнуть удалось. Китель тоже был слегка узковат, ткань болезненно натянулась на спине и затрещала,

когда я двинул плечами. Фриц оказался чуть выше ростом и пожиже в плечах. Но «под пиво» и в темноте – сойдет.

Сапоги, наоборот, оказались на размер больше. Это даже к лучшему, что больше, а не малы – из больших не выскочишь, а в маленьких далеко не убежишь. Я надел пахнущие носки, а затем разорвал ближайшую простынь на тряпки, чем и нивелировал разницу в размере обуви. Накинул через плечо кожаную портупею, защёлкнул пряжки. Последним делом водрузил на голову пилотку.

- Вылитый фриц! – с одобрением хохотнул один из бойцов, тот, что постарше, глядя на моё преображение. – Только нашим случайно не попадись, а то свои же прибьют.

Я молча обыскал трупы немцев, распотрошил подсумки и раздал бойцам найденные запасные магазины к автоматам и пару обнаруженных гранат. Решимость изможденных бойцов, их спокойная готовность к неравному бою и смерти давили на меня. В горле встал ком. Но остаться с ними я не мог, как и взять их с собой.

- Ну, что ж... – Я замялся, не зная, как вообще можно прощаться в такой ситуации. – Держитесь, братцы!

- И ты не плошай, – хрипло ответил старший, по-хозяйски положив ладонь на холодный металл «шмайсера». – Спасибо, что еще один шанс поквитаться с этими тварями нам дал. Уж поверь, мы его не упустим.

- И ты тоже, танкист, бей фрицев за нас всех! – добавил второй. – Чтобы жизнь на нашей земле им малиной не казалась!

- Обещаю, мужики! Не поминайте лихом!

Больше говорить было нечего. Любые слова были бы пусты и жалки. Я кивнул им напоследок, развернулся и, подобравшись к распахнутому окну, бесшумно выпрыгнул в душную июльскую ночь. Благо, наша палата располагалась на первом этаже.

Сразу за окном тянулись густые заросли старого, заброшенного сада. Воздух, густой и тяжёлый, был пропитан сладковатым ароматом созревающих ранних яблок и гарью. Где-то неподалёку трещали редкие выстрелы. Немцы, уже чувствуя близкую победу, даже не особо осторожничали: из-за угла захваченного госпиталя громко и беспечно раздавались гортанные голоса и смех.

Я прижался к шершавой тёплой стене и замер, вживаясь в свою новую роль. Сердце колотилось где-то в горле, но разум работал чётко, подавляя эмоции. Главное сейчас не бежать, не суетиться, вести себя совершенно естественно. Я сделал глубокий вдох и шагнул из-за угла слегка расхлябанной и усталой походкой опытного фронтовика.

Двое фрицев возились у крыльца, что-то забрасывая в кузов грузовика. Один из них мельком посмотрел на меня пустыми глазами и тут же отвернулся, продолжая выполнять свою монотонную работу. Второй, постарше, с орденской планкой и нашивкой за ранение, лениво меня окликнул:

- Du, komm her! Helfen!

[Ты, идисюда! Помоги! (нем.)]

Внутри всё сжалось в ледяной ком, но я не дрогнул, буркнув:

- Moment! Ich geh nur kurz schiffen!

[Момент! Только отолью! (нем.)]

Я, не меняя шага, махнул рукой в сторону темноты, будто меня конкретно припёрло. Фриц что-то недовольно проворчал вдогонку, но я уже прошёл мимо, и меня никто не остано-

вил - приняли за своего. Я свернул за следующий угол, в узкий, пахнувший плесенью и кошачьей мочой закуток, и прислонился к деревянной стене какого-то сарая, прислушиваясь.

Получилось? Не то слово - прошло как по маслу.

Со стороны госпиталя до меня донеслись короткие, но частые очереди из «шмайсера», которые тут же подхватил и еще один автомат. Грохот выстрелов, гулко раскатившийся в ночном воздухе, моментально сменился истошными криками на немецком, топотом сапог и новыми, уже более беспорядочными и хаотичными залпами.

Я зажмурился на мгновение, представив покинутую палату, вспышки выстрелов, освещающие мужественные и ожесточённые лица бойцов, идущих в свой последний бой, даже не вставая с кроватей. Они не собирались просто умирать – они собирались продать свои жизни дорого, сея панику и замешательство в рядах врагов. И у них это отлично получалось.

Мимо моего закутка, топая сапогами, пробежала пара фрицев, торопливо передёргивая на ходу затворы автоматов. Суета работала мне на руку. А я прижался спиной к стене, став частью тени. Я просто стоял и наблюдал, выжидая удобного момента, чтобы продолжить свой путь и желательно прибрахлиться оружием.

И удача мне опять улыбнулась. Из уличного сортира, расположенного неподалёку от того места, где я укрылся, выскочил фельдфебель, суетливо поправляющий ремень и нервно оглядывающийся в сторону перестрелки. Он явно отстал от своих и сейчас спешил присоединиться.

Накинув на плечи ранец, который он, наверное, снял на толчке, фриц побежал мимо моего тёмного закутка. Я оттолкнулся от стены и, сделав два бесшумных шага, оказался позади него. Левая рука молниеносно зажала ему рот, резко и сильно запрокидывая голову, а сгибом правой я передал ему горло, лишая даже глотка воздуха.

Технично. Жестко. Без эмоций. Он дёрнулся раз, другой, издал под моей ладонью глухой, kloкочущий звук и обмяк, повиснув на моей руке. Я не позволил ему упасть, резко затащил его тушу в тот самый тёмный закуток, откуда он только что вышел.

Я опустил еще живое, но основательно придушенное тело в грязь и позволил проклятому дару Изморы сделать своё дело. На этот раз всё прошло без сучка, без задоринки – в резерв капнула еще толика «дыхания жизни». Три ночи активных действий мне обеспечено.

Затем я быстро и методично обыскал труп. Пистолет-пулемёт МР-40, два запасных магазина к нему – третий кармашек на подсумке оказался пустым, сапёрная лопатка в кожаном чехле, граната-«бутылка». Ранец я особо не обыскивал, но почувствовал сквозь его ткань банки с консервами. Так что на первое время я даже хавчиком был обеспечен.

Я снял с него все: и подсумок, и ранец, и остальную снарягу. Теперь я был не просто переодетым — я был вооружённым немецким солдатом. Из-за угла всё ещё доносилась яростная перестрелка. Слышно было, что немцев прибывает, но мои товарищи не сдавались, отвечая короткими, экономными очередями.

Я выбрался из закутка, уже не прячась, а наоборот, приняв вид такого же солдата, спешащего к месту боя. Но я двинулся не к госпиталю, а в противоположную сторону — вглубь запущенного сада, в самую его темноту. И уже отойдя на значительное расстояние от здания госпиталя, я услышал взрыв – сухой, аккуратный, как хлопок дверью. И следом за ним еще один. А потом наступила тяжёлая давящая тишина...

Глава 5

Я двинулся вглубь сада, продираясь сквозь заросли одичавших кустарников и сухие ветви неухоженных фруктовых деревьев. Ночь скрывала меня, а немецкая форма давала призрачный шанс на спасение, если я случайно наткнулся на патруль.

Добравшись до конца сада, я осторожно выглянул из-за частично разрушенного кирпичного забора. Впереди, насколько хватало глаз, чернели остовы разбитых снарядами домов и складских построек. Я искал надёжное укрытие - место, где можно было бы переждать день, когда я вновь превращусь в беспомощного калеку.

Мне повезло его найти примерно через час, когда я забрался в частный сектор, раскинувшийся на небольшой возвышенности. Это был частично разрушенный бомбой одноэтажный домик, в котором целой осталась лишь одна комната и подвал.

Спуск в него был завален обломками стен и перекрытия, но при определённой сноровке туда можно было просочиться. Сомневаюсь, что немцы будут уродоваться, чтобы проникнуть в это мрачное «подземелье». Сняв ранец и автомат, я втиснулся в узкий лаз.

Подвал оказался крепким и капитальным, с залитыми цементом стенами и полом. Это было идеальное укрытие. Уцелели даже какие-то «огородные заготовки» – я обнаружил бочку квашеной капусты, банки с вареньем, огурцами и помидорами. Теперь я с голоду точно не умру!

Самое интересное, что я нормально видел в темноте без всякого освещения. Похоже, что это «побочный эффект» дара Изморы. И он мне пришёлся как нельзя кстати. Я забаррикадировал лаз изнутри пустыми ящиками и бочками, которые обнаружил здесь же, в подвале.

Наскоро перекусил, вскрыв банку тушёнки – кормить меня с ложечки здесь было некому, и приготовился ждать рассвета, накидав в дальний угол найденную ветошь. И рассвет наступил. Бледный, размытый свет постепенно просочился сквозь щели, и я почувствовал это. Знакомое, ненавистное чувство пустоты.

Я наблюдал, как сначала стали прозрачными, а затем растворились в воздухе мои конечности, оставив пустыми рукава кителя и штанины. Я лежал на спине и смотрел в покрытый паутиной потолок. Где-то наверху ревели моторы, временами слышалась отдаленная немецкая речь. А здесь, внизу, царила тишина, нарушаемая лишь моим дыханием и стуком собственного сердца.

Чтобы не погружаться в пучину отчаяния, я решил хорошенько выспаться. Всё равно сейчас от меня ничего не зависело. Тяжесть навалилась на меня – за эту ночь я основательно выдохся. Давненько мне не приходилось воевать. Мысли начинали крутиться по одному и тому же кругу: госпиталь, крики, взрывы, тишина после боя... что там с товарищами? Уцелел ли хоть кто-то? Нет - это нереально! И не надо себя винить! Я еще за них отомщу!

Я тряхнул головой, пытаюсь отогнать эти картины. Сейчас не время для ненужных рефлексий. Я не смог бы ничего изменить, только бы зря погиб вместе со всеми. А сейчас – спать! Сознание затуманивалось, цепляясь за случайные образы: лицо того фельдфебеля в последний миг, холодная сталь затвора МР-40, кисловатый запах квашеной капусты из бочки в подвале...

Сон накатил внезапно, словно гигантская волна накрыла меня с головой. Я не видел снов. Был лишь глубокий, мёртвый черный провал и полное отсутствие каких-либо мыслей и чувств. Такое забытьё возможно только на грани полного истощения, когда мозг отключает всё лишнее, чтобы просто не сойти с ума.

Я не знаю, сколько часов провалялся так. Разбудил меня резкий, металлический скрежет прямо над головой. Лязг гусениц, от которого содрогнулись стены подвала, и с потолка сыпа-

нулась мелкая пыль, заставляя меня зажмуриться. Немецкий танк или тягач проезжал совсем близко, чуть ли не по руинам дома.

Шум мотора медленно удалился, и в подвале вновь воцарилась гнетущая тишина, теперь нарушаемая лишь стуком крови в висках. Заснуть больше не получалось – я выспался. Дальше я просто лежал и слушал: шаги наверху, приглушенные голоса, иногда – отдаленная орудийная канонада и стрельба. Но никто не спешил спускаться в подвал. Моя нора оказалась надежной и не привлекала к себе лишнего внимания.

Я пытался планировать. Куда двигаться следующей ночью? Немцы явно укрепились в этом районе. Пробираться к побережью? Попытаться найти своих, уходящих партизанить в горы, или леса? А стоит ли? Как мне объяснить даже своим о полученном даре? Продемонстрировать возможности? Не уверен...

Но всё это – пока лишь мысли о будущем. А текущая реальность – вот она: я лежал в темноте, не в силах пошевелиться, не в силах даже почесать нос. Полная зависимость от милости судьбы, а день тянулся мучительно долго. Но лучше бы он и дальше спокойно и мучительно тянулся, но не тут-то было – судьба решила подкинуть мне очередное испытание.

Тишину разрезал тихий, но отчётливый металлический «звук». Пустая банка из-под тушёнки, отброшенная мной в сторону после еды, качнулась. Я напрягся, ожидая опасности сверху, но звук, как мне показалось, шёл непосредственно из подвала.

Через мгновение звук повторился, а за ним послышалось отвратительное шуршание и мерзкий визгливый писк. И тут я их увидел – смутные, шустрые тени. Крысы. Две... Нет, три, а то и четыре. Крупные, голодные, с влажными глазками-бусинами и голыми чешуйчатыми хвостами.

Они с деловым видом обнюхивали банку, просунув внутрь морды и царапая лапками жёсть, они пытались дотянуться до остатков застывшего на дне жира. Их писк и возня казались невероятно громкими в гнетущей тишине. Выскоблив банку досуха, твари разбрелись по подвалу.

Они рыскали в темноте, повсюду суя свои морды и совершенно меня не опасаясь. А чего им было бояться? Я был всего лишь неподвижным куском мяса на полу. Одна, самая упитанная, подошла ко мне вплотную, к самому лицу. Её острый нос вздрагивал, учуяв запах еды, всё ещё исходивший от рюкзака фрица, подсунутого под голову.

Она бесцеремонно пробежала по моей груди, и я почувствовал острые, цепкие коготки даже сквозь толстую ткань кителя. Другая засунула голову в пустой рукав моей формы, бесцельно покопалась там и вылезла. А первая тем временем устроилась у моего подбородка. Её холодный голый хвост плетью хлестнул меня по щеке.

Неожиданно на меня накатила волна омерзения и бессильной ярости.

- Кшш! Пошла вон, гадина! – тихо просипел я – громко кричать нельзя, вдруг кто услышит.

Крыса лишь на мгновение замерла, насторожив уши, и тут же продолжила свои изыскания, прорывшись по мне к рюкзаку. Её сородичи уже всю хозяйничали там – я отчётливо слышал, как их острые зубы с хрустом рвут брезентовую ткань, пытаясь добраться до продуктов внутри.

Они чувствовали себя здесь полными хозяевами. Я был для них лишь частью обстановки, практически неподвижным и беззащитным объектом. Эта мысль жгла меня изнутри сильнее любого огня. Я, который всего несколько часов назад заземлил без всяких проблем трёх подготовленных фрицев из штурмового отряда, сейчас оказался беспомощен перед стаей противных примитивных грызунов.

Они уже табунами бегали по мне, а я лежал и смотрел в потолок, стиснув зубы до хруста, не в силах сделать ничего, кроме как терпеть это унижительное присутствие. Этот чёртов день,

казалось, длится уже целую вечность. Каждая минута растягивалась в час, каждая секунда была наполнена отвращением и ненавистью к собственному беспомощному телу.

Крысы недовольно пищали, пытаясь добраться до угощения. И если они до него не доберутся – подобная участь может ожидать и меня самого. Быть съеденным заживо голодными крысами в подвале разрушенного дома, не имея возможности даже отогнать их – то еще удовольствие.

Но, что я могу? Только лежать. Лежать и слушать их возню, и надеяться, что они действительно не примутся за меня. Однако, как обычно и происходит по «закону падающего бутерброда», надежда эта оказалась слабой и призрачной, как утренний туман.

Голод, в конце концов, перевесил врожденную крысиную осторожность. Самая наглая и упитанная тварь вдруг замерла у моего плеча, а затем вдруг резким движением, вонзила зубы мне в шею. Боль была острой, пронзительной и до смешного несоразмерной крошечной ране.

Это была не просто боль – это было величайшее унижение, финальный аккорд моего беспомощного состояния. Инстинкт заставил меня дернуться всем телом, чтобы сбросить впившуюся в меня тварь. Но не тут-то было – крыса держалась. Я попытался перекатиться, чтобы придавить крысу своим телом, в надежде её раздавить.

Безрукое тело неуклюже приподнялось и резко упало, на мгновение придавив грёбаного грызуна. Крыса мерзко заверещала, и вместо того, чтобы свалить, вгрызлась еще глубже. Еще один укус обжег мне мочку уха – это присоединилась к своей товарке другая тварь, привлеченная запахом свежей крови.

- Сука! – прошипел я, наконец-то зажав извивающийся волосатый комок между плечом и челюстью.

Раздавить, как хотелось, я её не сумел, но она хотя бы отцепилась. Силы были катастрофически неравны. Все мои «атаки» – судорожные подергивания туловища и хриплые выкрики – совершенно не напугали этих истинных хозяев подвала.

Крысы, освоившись, стали вести себя еще наглее. Они метались по мне, кусая за любую доступную им плоть, даже через ткань. Я отчаянно мотал головой, тряс плечами и катался по бетонному полу, пытаясь хоть как-то их отогнать. Но тщетно – казалось, этот кошмар будет длиться вечно, и его финалом станет то, что от меня останется лишь обглоданный до костей скелет.

И тут случилось нечто – из мрака подвала, бесшумным и расплывчатым пятном, отделилась большая черная тень. Кот. Огромный, с чёрной шерстью, выгоревшей на солнце до «шоколадного оттенка». Он тряхнул разодранными в драках ушами, а его глаза сверкнули в полумраке холодным изумрудным огнем.

Крысы замерли в одно мгновение, как по команде. Их писк и возня сменились настоящей, панической тишиной. Кот же не спешил. Он казался самым воплощением смерти, которая знает, что ее добыча никуда не денется. А затем «чёрная молния» сорвалась с места.

Одно стремительное движение, отточенная годами «тренировок» – и в пасти кота уже бешено запищала и затрепыхалась та самая наглая и упитанная крыса. Её позвоночник хрустнул коротко и сухо. Кот отшвырнул тушку в сторону и тут же сделал новый бросок. Вторая крыса тоже не успела увернуться – её участь была решена столь же молниеносно и эффективно.

Оставшиеся крысы мгновенно разбежались. Их панический писк еще секунду доносился из темноты, а потом смолк. В подвале воцарилась тишина, теперь нарушаемая лишь спокойным мерным урчанием матерого крысолова. Мой неожиданный спаситель уселся возле меня и принялся методично мыть лапы.

Он был абсолютно спокоен, невозмутим и, похоже, особо не голоден – еще трепыхающуюся крысу он жрать не стал. Он просто исполнил свою обычную работу – навел порядок на своей территории. Я лежал, чувствуя, как по шее и уху струйками стекает теплая кровь. Но это была сушая ерунда. Судьба, только что грозившаяся расправиться со мной самым жалким

и унижительным образом, вдруг каким-то непостижимым образом вновь повернулась ко мне лицом.

А я смотрел на огромного черного кота, этого настоящего хозяина руин и подвалов, и впервые за этот бесконечный день на моих губах появилось что-то, отдаленно напоминающее улыбку.

- Спасибо тебе, дружище, – прохрипел я тихо, боясь спугнуть неожиданного союзника. – Выручил. Ведь заживо бы сожрали, падлы такие.

Кот прекратил умываться и уставился на меня своими бездонными зелеными глазами, будто оценивая. Казалось, он понимал смысл обращенной к нему речи, но был слишком горд, чтобы это показать. Он лениво потянулся и, выпустив когти из подушечек, а затем, не спеша, подошёл ко мне поближе.

- Давай познакомимся, что ль... – пробормотал я, пытаюсь хоть как-то скрасить своё вынужденное бездействие общением с этим благородным животным. - Ты, наверное, Васька? Или Мурзик? Нет? Может, ты Пушок? Тоже нет? Барсик?

Кот даже ухом не повёл, совершенно игнорируя предложенные имена. Он обнюхал мою окровавленную шею, и от этого прикосновения к коже холодного мокрого носа я невольно вздрогнул. Кот явно был не домашний - это был дикий уличный охотник, настоящий боец, ничуть не зависящий от человеческих подачек.

- Ладно, старичок, давай выберем тебе имя посерьёзнее, – сказал я, глядя в его светящиеся глаза. – Ты появился из ниоткуда, как тень. Может, Тень? Нет? Или Мрак? Ты же чёрный...

Кот «презрительно» фыркнул, шевеля усами. И вдруг я поймал его взгляд – пронзительный и умный. А еще в нём читалась какая-то древняя, почти дьявольская хитрость.

- Тогда, может... Бес? – неожиданно для себя выдохнул я.

И о чудо! На это слово кот отреагировал мгновенно. Он опять ткнулся мокрым носом мне в щеку, а затем с громким и довольным мурлыканьем принялся тереться о моё лицо.

- Решено, – прошептал я, чувствуя, как его густая шерсть щекочет мою кожу. – Будешь Бесом. Мой личный бес-охранник. Договорились?

Бес в ответ лишь громче заурчал и устроился рядом, свернувшись тёплым, живым клубком у самой моей головы. Его спокойная уверенность была заразительна. С таким стражем день уже не казался таким бесконечным и беспросветным. Теперь я уже не был беспомощной жертвой, ждущей милости от судьбы. Я был человеком, которого охраняет Бес. И это меняло всё.

За всей этой суетой с крысами и неожиданным появлением союзника я и не заметил, как солнце село. Первым признаком наступившей ночи стала знакомая пульсация в культиях. Легкое, почти эфемерное покалывание, которое я так жаждал почувствовать.

Я замер, боясь спугнуть это ощущение, и стал наблюдать. Сначала из пустых рукавов и штанин стало подниматься легкое серебристое марево, словно пар от льда в морозный день. Затем марево сгустилось, обрело форму, и по краям начали проступать знакомые очертания пальцев, кистей, ступней. Процесс отращивания конечностей был быстрым и безболезненным, но от этого не менее волшебным.

Бес, почувствовав движение, встал и с нескрываемым любопытством наблюдал за происходящим. Как только кисть правой руки обрела плотность, я с наслаждением пошевелил пальцами, ощущая каждую мышцу, каждую связку. Свобода! О, эта сладкая, ни с чем не сравнимая свобода движения! Я медленно, почти с благоговением, поднес руку к коту и погладил его по спине. Шерсть оказалась на удивление густой и мягкой.

Бес не просто не противился – он блаженно прикрыл глаза, выгнув спину и сам начал с силой тереться о мою ладонь, подставляя то голову, то бока. И что было самым странным – мне казалось, будто я чувствую, где именно его нужно почесать.

Мои пальцы сами находили нужные точки за ушами, под подбородком, и кот отвечал на это громким, раскатистым урчанием, которое, наверное, было слышно даже на улице.

Я уже почти забыл о недавней схватке с крысами, погрузившись в это странное умиротворение, как вдруг резкий, судорожный толчок прямо у моего бедра заставил нас обоих вздрогнуть. Та самая, первая крыса, которую Бес отшвырнул в сторону, оказывается, еще не сдохла. Она агонизировала, беспомощно дергаясь и царапая бетон пола ослабевшими лапами.

Инстинкт сработал быстрее мысли. Рука сама метнулась вниз, и мой новообретенный кулак со всей силы обрушился на голову твари, раздавив ее в бесформенную кровавую лепешку. Только тонкие косточки громко хрупнули, и крыса затихла уже навсегда.

И тут произошло нечто, чего я никак не мог предположить. Из разможенного тельца крысы потянулась та самая знакомая серебристая струйка «дыхания жизни». Но вместо того чтобы рассеяться в воздухе, она, словно притянутая магнитом, рванула ко мне и впиталась прямо в ладонь, пополнив мой внутренний резерв.

Я замер, ощущая знакомый прилив силы, мизерный, но очень отчетливый. Так смерть крысы тоже давала силу? Значит, дар Изморы «питался» не только человеческой жизнью, а жизнью любого живого существа, пусть даже в таких ничтожных дозах. Мир вокруг внезапно оказался гораздо сложнее и страннее, чем я мог его себе представить.

И тут мне в голову пришла мысль, такая странная и нелепая, что я чуть не рассмеялся вслух. А чья это добыча на самом деле? Чья заслуга в том, что эта тварь мертва? Моя? Нет. Это всецело заслуга моего нового союзника – Беса. Я лишь нанес финальный, ничего не решающий удар. Присваивать его трофеем было бы... неправильно. Не по-товарищески как-то...

Я посмотрел на кота. Он сидел, вылизывая лапу, и лишь изредка бросал на меня внимательный взгляд, в котором была, как мне казалось, какая-то несвойственная обычному зверю мудрость. И я решился.

- Дар получен благодаря тебе, дружище, – сказал я коту. – Значит, он и должен быть твоим.

Я сконцентрировался, пытаясь сделать то, что раньше делала со мной Измора – разделить свою силу, поделиться ею. Я представил её не как нечто принадлежащее мне, а как реку, которая может потечь туда, куда я ее направляю. Я чувствовал эту крошечную серебристую струйку в своей груди, заставил её двигаться, провел её по внезапно занывшим от напряжения жилам в правую руку, в ладонь, которая все еще лежала на спине моего спасителя.

Я не знал, что делаю. Действовал на чистой интуиции, на желании поступить честно. И вдруг ощутил легкое, почти эфемерное покалывание в кончиках пальцев. В темноте подвала шерсть Беса под моей ладонью вдруг вспыхнула. Не осветила все вокруг, нет. Но тысячи крошечных серебристых искорок, словно обсыпали её изнутри серебристым инеем.

Бес вздрогнул всем телом, встал и выгнул спину дугой. В ту же секунду его глаза вспыхнули ярким изумрудным огнём. Не просто заблестели в темноте отражённым светом – они загорелись как два маленьких, но невероятно ярких фонарика.

И в этот миг я почувствовал некую... связь. Тонкую, как паутина, но невероятно прочную, связавшую нас невидимыми узами. Кот снова мягко ткнулся мокрым носом мне в ладонь, коротко и звонко промурлыкал что-то явно одобрительное. Его глаза ещё секунду светились в темноте магическим огнём, постепенно затухая.

А я чувствовал, что теперь не один в этом чужом мире. Связь с котом была «живой» и настоящей. У меня появился не просто страж. Появился боевой товарищ и друг. И его звали Бес.

Глава 6

Умиротворение длилось недолго. Как только эйфория от возвращения контроля над телом немного улеглась, на первый план вышла суровая проза жизни. Вернее, её грязная и болезненная изнанка.

Шея в месте укуса крысы начала ныть. Сначала слабо, тянущими импульсами где-то под челюстью, а затем всё настойчивее и острее. Я провел рукой — пальцы, теперь послушные, плотные и утратившие прозрачность, наткнулись на липкую корку запёкшейся крови. Ухо тоже горело огнём.

- Грёбанные крысы, — процедил я сквозь зубы, осторожно ошупывая укусы.

Бес, услышав перемену в интонации, поднял голову. Его глаза, всё ещё тускло светящиеся в темноте, внимательно меня изучили. А затем котяра боднул меня лбом, словно морально поддерживая — держись, мол, братишка, прорвёмся! Ну, по крайней мере такое чувство у меня возникло.

Риск подхватить какую-нибудь «болячку» был реальным — крысы могли быть переносчиками чего угодно: чума, сибирская язва, столбняк... В мирное время это лечится курсом антибиотиков и прививками. Здесь же, в разрушенном подвале осаждённого города, в сорок втором году — это могло быть смертельным приговором.

Я сел, опираясь на руки — движение далось легко, мышцы прекрасно слушались, наполненные ночной силой. Нужно было действовать — ночь не будет длиться бесконечно.

- Ты пока отдохни, мохнатый, — произнёс я, обращаясь к коту, - а мне надо кое-что сделать...

Не знаю, понял ли кот мои слова, но он тут же спокойно улёгся на ветошь рядом со мной, время от времени подёргивая кончиком хвоста.

Я потянул к себе ранец, снятый с убитого фельдфебеля и уже слегка погрызенный крысами. В боковом кармане, в жестяной коробке с откидной крышкой, я нашёл то, что искал - индивидуальную аптечку. Внутри, в гнездах из прессованного картона, нашлось несколько стеклянных ампул.

Я взял ампулу большим и указательным пальцами и поднёс её к глазам. Надпись на стекле, вытравленная кислотой, гласила: «Jodtinktur 5%».

- Йодная настойка. Подойдёт, — тихо произнёс я, вынимая из ранца обнаруженный там же небольшой платок.

Резким движением я надломил кончик ампулы — знакомый запах антисептического препарата ударил в нос. Я как следует намочил раствором платок и приложил к ране.

- Ё-о-о! — зашипел я сквозь стиснутые зубы - жгло так, словно я приложил к ране раскалённый уголёк.

Но это была «хорошая боль», означающая, что дезинфекция идёт. После того, как я прижёл рану на шее, аккуратно обработал и мочку уха.

- Вот и всё, браток, — сказал я, глядя на Беса. — Теперь главное — чтобы заразу убило и не началось воспаление.

Кот медленно моргнул, словно подтверждая, что принял информацию к сведению. Он поднялся, лениво потянулся и подошёл к моей руке, осторожно обнюхав пальцы, пахнущие йодом. Недовольно фыркнул — кошки не любят эту химию — и отошёл, снова сворачиваясь клубком, но уже чуть дальше.

Я откинулся на стену подвала, переводя дух. Ночь была ещё длинной, но и медлить не стоило. Я закрыл глаза, прислушиваясь к тишине, царящей наверху. Вроде бы тихо - пора

выдвигаться. Рассвет ещё далеко, но я должен был до восхода солнца основательно пополнить свой магический резерв.

Сейчас у меня в запасе была еще пара ночей, но этого мало. Очень мало. Вдруг мне придётся надолго зависнуть в каком-нибудь убежище, а вокруг будет много врагов. И еще нужно было озаботиться водой и пищей. Нужно было срочно обустроить где-то постоянную «базу», где я буду в безопасности проводить светлое время суток.

Я вздохнул и принялся за сборы. В первую очередь — обувь. Сапоги убитого фельдфебеля были мне великоваты, и я, уже по отработанной «технологии», намотал поверх носков портянки, которые нарезал из простыни ещё в госпитале. Сапоги сели плотно, почти как влитые. Теперь ноги чувствовали себя в них весьма уверенно.

Закинул ранец за спину, проверил ремни. Поправил ляжки, которые немного жали в плечах, и взял в руки МР-40. Затвор лязгнул сухо и звонко в тишине подвала. Патрон в патроннике, предохранитель снят. Я готов. После сборов я посмотрел на кота, сидевшего рядом и наблюдающего за мной своими светящимися глазами.

- Ты со мной, Бес? — спросил я тихо, больше для себя, чем ожидая ответа от неразумного животного.

Кот неожиданно мяукнул, и вполне утвердительно.

- Со мной опасно, бродяга, — добавил я, глядя в его изумрудные зрачки.

Бес презрительно фыркнул, словно говоря: «Нашёл чем напугать». Он поднялся, потянулся, и в следующий миг растворился в темноте подвала. Исчез бесшумно, словно его и не было. Только лёгкое ощущение присутствия где-то рядом, на периферии сознания, подсказывало, что он не ушёл, а будет незримо следовать за мной. Наша необычная «магическая связь» работала, как бы мне это ни казалось странным.

Я повернулся к выходу из подвала - пора. Разгрёб ящики и бочки, которыми забаррикадировал вход. Проход освободился. Выбравшись на поверхность, я сразу прижался к уцелевшей стене дома, стараясь с ней слиться. Ночь встретила меня прохладой и резким запахом гари – город всё еще горел.

Но было вроде бы тихо. Ни выстрелов, ни криков. Только где-то далеко надрывалась собака. Я перевёл дыхание, проверяя автомат, а затем шагнул в темноту летней ночи. Добежать до одичавшего сада, ведущего к госпиталю, не составило для меня никакого труда.

Почему опять госпиталь? Я хотел узнать, что стало с остальными ранеными, и нельзя им хоть как-то помочь? А еще там были враги, которых мне надо отправить в ад. И как можно больше. А времени у меня – до рассвета.

Сад вновь встретил меня тишиной, но это было обманчивое спокойствие. Слишком густое, слишком напряжённое, слишком непредсказуемое. Я двигался короткими перебежками, от дерева к дереву, сливаясь с тенями.

Автомат я держал наготове, но палец - в стороне от спускового крючка. Стрелять нельзя. Госпиталь уже близко – и любой выстрел поднимет тревогу, и тогда мне опять придётся удираТЬ. Лучше проверить всё тихо, чтобы и комар носу не подточил. Сапоги, подогнанные портянками, ступали по мягкой земле почти бесшумно. Я чувствовал себя хищником, вышедшим на промысел.

Я не видел кота, не слышал его. Но где-то на краю сознания, словно слабый радиосигнал, ощущалось его присутствие. Это чувство усиливалось, когда я смотрел в определённую сторону, и слегка затихало, когда я смотрел мимо. Но оно не исчезало окончательно.

Впереди, возле кирпичного сарая, мелькнул огонёк. Я замер, прижавшись к стволу старой яблони. Вдох-выдох. Контроль дыхания. В голове вдруг возник чёткий образ: не картинка, а именно ощущение.

Внимание. Двое. Впереди.

Я понял - это так Бес меня предупреждал. Наша «магическая связь» работала на уровне эмпатии, но я вполне понимал, о чем хочет сообщить мне кот.

- Принято, дружище! — прошептал я одними губами.

Я сместился левее, огибая сарай широкой дугой. Голоса становились отчётливее. Немецкая речь. Расслабленная, ленивая. Они курили, трепались о ерунде и не ожидали опасности, совершенно расслабившись в тихой и теплой июльской ночи.

- Ich möchte nach Hause... — донеслось до меня.

Домой, значит, хочется? Считают, что для них здесь война уже победоносно закончилась. Ну-ну, это мы еще посмотрим! Вы двое уже точно домой не вернётесь, удобрите собой нашу многострадальную землю.

Я выскочил из-за угла внезапно, словно вырос из-под земли. Первый немец даже не успел обернуться, а я был уже рядом, зарядив ему тыльной стороной автомата прямо по затылку. Он мгновенно «осел», как мешок с дерьмом, даже не вскрикнув.

Его приятель поначалу ничего не сообразил - он видел знакомую форму на мне, и это сбilo его с толку. Но только на долю секунды.

- Was zur?.. — ошарашенно пробормотал он, хватаясь за оружие.

И в этот миг с крыши сарая сорвалась чёрная тень. Бес. Кот, словно чёрный демон, упал на загривок немца, вцепившись когтями в его щёку. Немец дёрнулся, вскинул руки, пытаясь стряхнуть животное, продолжающее оставлять глубокие и рваные полосы на его коже.

Я шагнул вперед, зажав в правой руке лезвие складного ножа, который я нашёл в ранце фельдфебеля. Лезвие коротко блеснуло в темноте и вошло фрицу «под ребро», прямым в сердце. Я подхватил падающее тело, и положил его рядом с оглушённым товарищем.

Тело совершенно обмякло. Он был еще жив, но взгляд уже стекленел. Бес, заблаговременно спрыгнувший с тела, спокойно сел рядом и принялся тщательно вылизывать лапы. Я присел на корточки рядом с умирающим и протянул к нему руку. Знакомая серебристая струйка потянулась из его тела.

Привычно поглотив «дыхание жизни», я пополнил резерв еще одной «активной ночью» и вновь скинул Бесу небольшую порцию этой силы.

- Хорошая работа, напарник! — тихо сказал я коту, шерсть которого вновь засеребрилась от поглощенной энергии.

Бес коротко мяукнул и благодарно ткнулся лобастой головой в мою руку. Изумрудный огонь в его глазах стал существенно ярче. Я вытер нож о китель фрица и поднялся на ноги.

- А с тобой, дружок, нас ждет очень тёплый разговор по душам! — произнёс я, взваливая на плечо оглушённого, но живого немца. Я собирался его допросить, прежде чем «приватизировать» необходимую мне силу.

Я растворился в темноте заброшенного сада, двигаясь с грузом на плече быстрее, чем это мог бы проделать обычный человек. «Волшебные» руки и ноги оказались куда крепче и сильнее, чем были у меня в молодости. Кот бежал рядом, иногда исчезая из виду, но всегда возвращаясь на периферию моего восприятия. Мы словно были единым целым – призрачный охотник и его тень.

Я затащил немца в глубокий овраг, заросший кустарником, подальше от тропинок. Бросил его на землю, плеснул в лицо водой из фляги, что была у него на поясе.

- Aufwachen, Affenbaby! — рявкнул я по-немецки.

[Просытайся, угрёбище (дословно: ребенок обезьяны)! (нем.)]

Он застонал, замотал головой, но пришёл в себя довольно быстро. Широко распахнув глаза, он увидел меня, увидел нож у своего лица, увидел кота с горящими глазами, сидящего рядом. Страх в его глазах вспыхнул ярче, чем изумрудный огонь во взгляде Беса.

- Wer... wer sind Sie?

[Кто... кто вы? (нем.)]

- Это не важно, — спокойно продолжил я по-немецки, присаживаясь на корточки и поигрывая ножом перед его горлом. - Важно другое. У меня мало времени. Ты расскажешь мне всё, что происходит в городе. Где ходят ваши патрули? Какие районы уже заняты вашими войсками? Где можно еще безопасно проскользнуть, и что стало с пациентами и врачами этого госпиталя?

- Ich weiss nichts... — забормотал он, пытаюсь отодвинуться от ножа подальше. Ну, куда же ты денешься с подводной лодки?

[Я ничего не знаю... (нем.)]

- Серьёзно? — не согласился я.

Он продолжал твердить, что простой солдат и ничего не знает. Я вздохнул и молча поднес нож к его щеке, и острая сталь оставила на ней тонкую красную полосу. Бес взъерошил шерсть на загривке и издал низкое, шипящее урчание, словно вторя моим словам. От всего этого немца неслабо так затрясло.

- У меня есть способы заставить тебя говорить, падаль. Быстрые, но весьма болезненные. Не думаю, что тебе это понравится. Поэтому давай так: ты говоришь - умираешь быстро и безболезненно. Молчишь - умираешь медленно и в жутких мучениях. Мой кот будет откусывать от тебя по маленькому кусочку, пока не сожрёт полностью!

Бес угрожающе зашипел, прижав уши к голове и показав длинные острые клыки, что окончательно добило фрица.

- Город пал еще вчера... — начал сбивчиво говорить он. — Пациенты и врачи госпиталя отправлены в специальный лагерь для военнопленных... Патрули везде... Проверяют каждый дом, каждый подвал... Даже заброшенные... Тебе не скрыться от них... - зло бросил он, словно чувствуя приближающуюся смерть. И, если я еще немного промедлю, он кинется на меня, понимая, что терять ему уже нечего.

Я не стал тянуть. Жалость была роскошью, которую я не мог себе позволить. Лезвие блеснуло ещё раз. Коротко, точно. Немец дёрнулся и затих. Я сразу наклонился над ним, впитывая выходящую силу. Еще одна ночь в плюс! И это радовало.

Я и так понимал, что в городе мне ловить нечего. Рано или поздно меня найдут, а я не смогу днём оказать никакого сопротивления. Нужно уходить на окраины, в катакомбы, в леса, в горы. Там проще найти надёжное укрытие, да и фрицев будет поменьше. Только не слишком далеко — чтобы я успел возвратиться с охоты в убежище за одну ночь.

- Пошли, Бес, - сказал я, поднимаясь. — Найдем себе новую берлогу. Но не здесь.

Мы вышли из оврага и двинулись на запад, прочь от центра города, в сторону лесистых склонов. Нужно было еще обойти патрули и найти новое временное убежище до наступления рассвета.

Дорога к окраине Севастополя оказалась сложнее, чем я предполагал. Город превратился в сложный лабиринт из руин и немецких патрулей. Фашисты чувствовали себя хозяевами положения, перекрёстки блокировали в срочном порядке возведённые блокпосты, а каждые сто-двести метров мелькали фигуры вооруженных солдат.

Спасало одно, что армейский госпиталь, куда меня (танкиста Сергея Филиппова) привезли после ранения, находился практически на границе с пригородом. Только благодаря этому я надеялся выскользнуть из захваченного города к рассвету. Я двигался перебежками, используя каждую тень. Вражеская форма помогала, но не гарантировала полной безопасности.

Я не знал никаких паролей, которые, наверное, ввели для всех перемещающихся ночью из одной точки в другую. Поэтому лучшая тактика — вообще не попадаться никому на глаза. И с этим мне отлично помогал Бес. Он шёл впереди, сливаясь с ночным мраком. Иногда я вообще терял его из вида, но всегда чувствовал, где он примерно находится.

Стоп. Опасность. – Почувствовал я «эмпатическое» предупреждение Беса.

Я замер, вжимаясь спиной в развалины кирпичной стены. Из-за угла, лениво переругиваясь, вышла пара патрульных. Луч фонаря скользнул по земле в метре от моих сапог. Я задержал дыхание, пальцы крепче жали рукоятки автомата. Но вступить в бой сейчас – настоящее самоубийство.

Патрульные прошли мимо, даже не взглянув в мою сторону. Я выждал минуту, пока шаги затихнут, и стремительно двинулся дальше. Время работало против меня. Небо на востоке из аспидно-чёрного превратилось в тёмно-синее, затем в грязно-серое.

- Быстрее, Бес, – прошептал я.

Я бежал, уже почти не скрываясь, к виднеющемуся вдалеке лесу. Город кончился, и по счастливой случайности никто меня так и не увидел. Еще немного и доберусь до спасительных зарослей. Осталось только пересечь большое заброшенное поле.

Но солнце явно не собиралось ждать, когда я там найду себе надёжное убежище, а продолжало неумолимо всходить. Мои руки постепенно начали терять цвет. Я бросил быстрый взгляд на ладонь — она пока еще не просвечивалась, но была к этому близка. Паника холодным комом подступила к горлу. Если солнце взойдёт раньше, чем я найду укрытие...

Ноги меня тоже стали куда хуже слушаться, мышцы стали вялыми, словно их сделали из ваты. Но я всё-таки успел заскочить в лес, который встретил меня запахом хвои и сырой земли. Кот, бегущий со мною рядом, громко мяукнул и рванул вперёд, к темнеющему склону холма.

Я прибавил хода, и нагнал его у подножия небольшого обрыва, заросшего ежевикой. Я подошёл ближе, раздвинул колючие ветви. За свисающими корнями старого бука чернела узкая щель. Не пещера в полном смысле слова, скорее глубокая, протяжённая ниша, промытая водой в склоне лесистого холма. Но мне хватило этой и норы.

Я заполошно полез вверх, цепляясь руками за корни. Небо светлело с каждой секундой. Еще немного и солнце окончательно взойдёт, и я опять лишусь подвижности до темноты. Я вполз в нишу, упал на земляной пол и на карачках побежал в самый дальний конец.

Тьма внутри меня отступала, я видел, как сквозь мои прозрачные ладони просвечивается земля. А еще я видел, как в глубине природного схрона что-то темнело. На первый взгляд - большой «ящик», сложенный из массивных каменных плит и сплошь поросший мхом.

Но одна из его боковых стенок треснула и раскрошилась, образовав приличную дыру, в которую я постарался протиснуться, пока еще не лишился окончательно своих конечностей. И у меня это легко получилось. Теперь я лежал в этом каменном гробу (тогда я еще не знал, что так оно и есть), тяжело дыша и слушая, как снаружи разгорается новый день.

Бес подошёл ко мне, ткнулся влажным носом в лицо и улегся рядом, свернувшись клубком. Его глаза всё ещё светились в полумраке убежища.

- Спасибо, дружище! – прошептал я. – Без тебя я бы не дошёл.

Я попытался осмотреться – куда же это я попал? А попал я, как выяснилось при наличии пыльных человеческих костей, в какое-то древнее захоронение. Бес поначалу успокаивающе мурлыкнул, но вдруг отчего-то насторожился. Он поднял голову, прядая ушами, словно что-то слышал.

Я замер, мне тоже неожиданно показалось, что мы не одни в этом каменном ящике. Что-то было «не так». Но вот что? Воздух внутри ниши стал густым, тяжёлым и влажным, словно перед грозой. Остро запахло озоном и древней пылью.

Но выскочить из ловушки я уже не мог – мои ноги и руки «приказали долго жить». Бес зашипел, но не испуганно, а предупреждающе.

- Кто здесь? – бросил я в пустоту, понимая всю бессмысленность этого вопроса.

Повисла гнетущая тишина. А затем внутренности каменного «ящика» начали заполняться густым и абсолютно непроницаемым для взгляда туманом. Он заполнил собой всё пространство, превратившись в настоящий «молочный кисель», в котором я «утонул».

- Слава великой богине Деве! – прозвучал чей-то звонкий голос прямо у меня в голове.
– Хоть будет, с кем поговорить!

Глава 7

Интерлюдия

Жара в Севастополе стояла удушающая. Даже толстые стены старинного особняка, где разместился штаб одного из батальонов, штурмовавших Севастополь, не спасали от раскаленного воздуха. Даже ветер с моря, залетающий в помещение сквозь распахнутые настежь окна, не приносил желанной прохлады.

Майор Фридрих Хоффман – Bataillonskommandeur⁴ 22-го саперного батальона сидел за массивным дубовым столом, заваленным картами и рапортами. Его пальцы нервно барабанили по лежащему перед ним листу бумаги. Отчет о потерях уже непосредственно после взятия госпиталя. Цифры были совершенно неприемлемыми и недопустимыми.

«Убито: 14 солдат. Ранено: 6. Пропало без вести: 2.

Входная дверь негромко скрипнула. В кабинет вошел лейтенант Карл Вебер – командир 2-го взвода специально созданной Stossgruppen⁵, непосредственно руководивший окончательной зачисткой госпиталя.

Он выглядел чрезмерно уставшим и потрёпанным: мундир был в пыли, под глазами залегли тени, на лице проступила неподобающая солдату вермахта щетина. За последнюю неделю он почти не спал – его штурмовой взвод вел тяжелые бои, очищая город от остатков сопротивления русских.

- Герр майор! - Вебер щелкнул каблуками и отдал честь. - Лейтенант Карл Вебер по вашему приказанию прибыл!

Хоффман ответил не сразу. Он медленно снял очки, потер переносицу и только затем указал на стул:

- Присядь, лейтенант...

Вебер сел, выпрямив спину. Он знал этот тон. Когда Хоффман переходил на «ты» и называл подчинённых лишь по званию, а не по имени, значит, дело очень плохо пахло.

- Объясни-ка мне вот что, лейтенант... - Майор постучал пальцем по отчету, нахмутив брови. – Как вчера вечером в госпитале погибли твои бойцы? Четырнадцать человек, Вебер! Почти половина твоего взвода! Опытнейшие солдаты! Как, Карл? Ведь там, судя по-твоему же отчёту, находились лишь беспомощные русские инвалиды. Причём, твоих солдат убили их же собственным оружием! – рявкнул Хоффман, саданув кулаком по столу. - Или я сошёл с ума, или просто чего-то не понимаю?

Мясистое лицо майора налилось кровью, а на лбу выступила испарина – жара в кабинете стояла удушающая. Он порывисто снял с шеи Рыцарский крест, висевший на шелковой черно-бело-красной ленте и растянул верхнюю пуговицу кителя, распахнув жесткий воротничок. В этой дьявольской жаре ему не хватало воздуха.

- Я жду объяснений, лейтенант!

Вебер нервно сглотнул, снял фуражку, положив её на колени, и пригладил мокрые вспотевшие волосы ладонью.

- Я лично проверил палату, герр майор. Там оставались только тяжелораненные. Некоторые без сознания, без рук, без ног. Я отдал приказ двум своим бойцам - унтеру Краузе и рядовому Фишеру - зачистить «мусор». Быстро и технично... Им такое не впервой – парни опытные... были...

⁴ Bataillonskommandeur – командир батальона (нем.).

⁵ Stossgruppen – штурмовая группа (нем.).

Он замолчал, подбирая слова, а затем продолжил:

- Я вышел. За моей спиной раздалась выстрелы... Я понял, что всё идёт по плану... А через пять минут... - Вебер покачал головой. – Случилось немыслимое... Я до сих пор не понимаю, как это всё произошло... Мистика какая-то!

Хоффман молчал, ожидая продолжения.

- Краузе и Фишер оказались мертвы. У Фишера — проломлен висок. Словно ударили чем-то тяжёлым. Прикладом, возможно. Но следов борьбы на его теле не обнаружено. Словно... словно он не ожидал нападения. - Вебер резко сжал кулаки, громко хрустнув костяшками. - А Краузе... Ему свернули шею, как беззащитному курёнку... голыми руками...

Лейтенант замолчал, стараясь унять неожиданно охвативший его гнев.

- Продолжай! - распорядился Хоффман, промокнув платком пот, катившийся со лба.

- Эти... раненные русские... завладели оружием Краузе и Фишера... Но они даже ходячими не были, герр майор! Как такое могло случиться?! – воскликнул лейтенант, в голове которого проскочили нотки безумия.

- Отставить истерику! – рыкнул Хоффман, осаживая подчинённого. – Ты кадровый офицер вермахта, а не визгливая баба из бюргеров!

- Яволь, герр майор! – взял себя в руки лейтенант. - Когда в палате всё затихло, мои солдаты, те, что остались в коридоре, зашли проверить... - Вебер судорожно сглотнул. - Они направились на ожесточённое сопротивление... которого никто из них не ожидал... А когда парни навалились... Русские подорвали себя гранатами. Вместе с нашими...

- И ты серьёзно считаешь, лейтенант, что эти русские калеки смогли обезоружить, убить и подорвать моих лучших бойцов? – тихонько свирепея от совершенно не укладывающейся ни в какие рамки ситуации, спросил Хоффман.

- Я не знаю, герр майор, - совершенно упав духом, произнёс Вебер. - Я рассматривал только факты. Краузе и Фишер убиты до того, как началась перестрелка. Их убили тихо. Без единого выстрела. Без крика. А потом кто-то забрал их оружие и отдал этим раненым русским, которые и положили наших солдат.

Майор встал и медленно прошёлся по кабинету.

- После инцидента ты проводил расследование?

- Так точно, герр майор! – отрапортовал лейтенант. - Я допросил всех выживших русских, взятых нами в плен - пациентов, врачей, санитаров. Поднял и изучил документы на раненых. Установил личности всех, кто находился в тот момент в этой палате. Все были на месте в виде трупов... Кроме одного человека.

Хоффман резко остановился, повернувшись к Карлу.

- Одного?

- Да, герр майор, - подтвердил лейтенант. Нашлись все, кроме одного. В журналах госпиталя он проходил как «неизвестный танкист». Поступил с тяжёлыми ожогами – горел в танке. Руки и ноги врачам спасти не удалось - ампутировали. Непонятно вообще, как он выжил... Но, когда мы пересчитали тела... Его не было. Ни мёртвого, ни живого.

- Хотите сказать, что он исчез чудесным образом? Вознёсся живым? – усмехнувшись, произнёс Хоффман.

- Так точно, герр майор. Испарился, как будто его и не было. Но допрошенные свидетели подтверждают, что на момент штурма госпиталя он находился именно в этой палате.

В кабинете вновь повисла тишина, лишь ветер, залетающий в окно, лениво шелестел бумагами на столе майора.

- Я не понимаю, как человек без рук и ног мог убить двух солдат, забрать их оружие, вооружить инвалидов, а затем бесследно исчезнуть, - наконец разорвал затянувшуюся тишину лейтенант.

Хоффман вернулся к столу и уселся на своё место.

- Значит, был кто-то еще...

- Герр майор, еще один момент, который я упустил – труп рядового Фишера оказался раздет до исподнего. Пропала его форма. Тот, кто убил моих ребят, переоделся в нашу форму... Я обнаружил следы сапог под окном палаты, по размеру они совпадают с сапогами Фишера. Следы одиночные, по глубине отпечатка можно сделать вывод, что он шел налегке. Если бы он кого-то тащил на себе, они были бы глубже...

- Один, значит? Ну, и как объяснить, зачем безногому сапоги? – ядовито спросил Хоффман. – У него что, ноги выросли вместе с руками?

- Не знаю, герр майор... Мистика какая-то...

- Ты мне о мистике и думать не смей! – погрозил кулаком майор. – Сейчас иди, а я подумаю, что со всей этой «мистикой» делать.

- Яволь, герр майор! – Вебер вскочил со стула и пулей вылетел из кабинета.

Дверь закрылась, и в кабинете повисла гнетущая тишина, нарушаемая лишь жужжанием мухи, бьющейся в оконное стекло. Она никак не могла найти выход, хотя окна были раскрыты нараспашку. Вот и Хоффман ощущал сейчас себя подобной мухой – выход есть, он где-то рядом, но Фридрих не видел его в упор.

Майор долго сидел неподвижно, сцепив пальцы в замок и уперевшись в них лбом.

- Неизвестный танкист... — прошептал Хоффман. – Да еще и безногий... и безрукий... И что же мне со всем этим дерьмом прикажете делать?

Он медленно поднялся, подошёл к старинному резному бюро и открыл его. На нижней полке, среди документов, стояла ополовиненная бутылка марочного французского коньяка двадцатилетней выдержки. Хоффман почти не употреблял спиртного, считая это слабостью, но сейчас был именно тот особый случай, когда «ум, зашедший за разум», как любили говорить эти чёртовы русские, требовал особой «стимуляции».

Он откупорил бутылку, налил полную стопку и залпом выпил. Янтарная жидкость обожгла горло, но майор почти не ощутил вкуса. Напряжённые нервы глушили любые ощущения. Налив ещё порцию, он подошёл к окну, глядя на раскалённые улицы Севастополя.

Доказательства Вебера были серьёзными. Слишком серьёзными, чтобы их игнорировать. Слишком серьёзные последствия... да и исчезнувшее тело... Для чего так заморачиваться? Чтобы замести следы? Но это переодевание в форму вермахта...

Логика кричала о диверсанта, либо о хорошо подготовленной группе. Но даже самые подготовленные диверсанты оставляют следы. А тут... Хоффман был уверен, что лейтенант лез из кожи, стараясь выяснить все подробности случившегося инцидента. И ничего не обнаружил. Он, конечно, не следователь...

Но разум напрочь отказывался верить в то, что один человек без конечностей мог провернуть такое в одиночку. Поверить в мистику? Хоффман был человеком науки и войны, а не глупых суеверий. Но факты упрямо «мозолили глаза», противореча всем законам физики и логики.

Хоффман вновь опустошил стопку, не чувствуя вкуса элитного пойла, вернулся к столу, налил ещё немного коньяка, но пить не стал. Только покрутил стопку в пальцах, наблюдая, как играют блики солнца в янтарной жидкости. И вдруг память услужливо подкинула забытую деталь.

«Циркуляр RSHA-VII/B2-401/43-gKdos» - особо секретный документ, полученный еще год назад из ведомства СС. Тогда он показался ему какой-то неслыханной ерундой и бредом, очередным проявлением паранойи имперской безопасности. Но поскольку этот циркуляр был всё же трансформирован в директиву военного ведомства - ОКН⁶, он был обязателен к применению.

⁶ ОКН (Oberkommando des Heeres) — Верховное командование сухопутных войск вермахта.

«Срочно сообщать о всех необычных случаях, не поддающихся стандартному объяснению, в «Особый отдел СС» штаба фронта», - гласил этот циркуляр.

Хоффман замер, а не попадает ли всё случившееся под эти самые «необычные случаи»?

Он поставил наполненную стопку обратно на стол. Если он сообщит об этом в «Особый отдел СС», сюда примчатся «выкормыши Хайни-курицы⁷», которые ему тут нафиг не упали. Но если он скроет это, а оно вылезет наружу, или, не дай Бог, повторится...

Тогда голову снимут уже с него. А так, возможно удастся переложить ответственность на «неизвестные мистические обстоятельства», которые так обожает «Куриный фермер». Хоффман медленно сел в кресло и потянул к себе телефонный аппарат. Чёрный, тяжёлый и холодный, как могильная плита.

- Соедините меня со штабом фронта, - хрипло произнёс он в трубку, когда услышал ответ телефонистки. - Секретная линия. «Особый отдел СС»...

После короткого разговора он положил трубку и посмотрел на документ с отчётом о потерях. Затем он перевёл взгляд за окно - солнце стояло в зените. День был ясным, спокойным и жарким. Идеальная погода для войны. Но майор чувствовал каким-то «шестым чувством», что большие неприятности не за горами. Он всегда это чувствовал...

Представитель «Особого отдела СС» прибыл в распоряжение 22-го сапёрного батальона ранним утром следующего дня. Солнце едва взошло, но удушающая жара, особо не спадавшая даже ночью, уже давала о себе знать, обещая ещё один невыносимо знойный день.

Из чёрного «Опеля», остановившегося возле штаба батальона, вышел сухощавый мужчина лет пятидесяти. Его угловатое костистое лицо с глубоко запавшими тёмными глазами, которые смотрели на мир холодно и оценивающе, отливало неестественной белизной, словно он редко выбирался на улицу.

Несмотря на адскую жару, прибывший был одет в длинный чёрный кожаный плащ, застёгнутый на все пуговицы. Казалось, он совершенно не чувствовал чрезмерной температуры окружающего воздуха, потому что даже не вспотел под лучами восходящего солнца.

Плетёные серебряные погоны без звёздочек, петлицы с двойной руной «Зиг» на левой стороне и четырьмя серебряными ромбами на правой выдавали в нём штурмбаннфюрера СС. Это звание соответствовало майорскому в вермахте, но власть человека в чёрной форме временами была неизмеримо выше.

Выйдя из машины, эсэсовец нацепил на нос непроницаемо-черные солнечные очки. В руке прибывший штурмбаннфюрер СС держал потёртый кожаный саквояж. Когда он зашагал по ступеням к парадному входу особняка, внутри чемоданчика что-то тихо и загадочно позвякивало, словно стукались друг о дружку стеклянные пузырьки или небольшие металлические инструменты.

Пока эсэсовец неспешно поднимался, Хоффману уже доложили о его прибытии. Он встретил гостя на пороге своего кабинета, поскольку понимал: визит таких «гостей» никогда не сулит ничего хорошего.

- Herr Sturmbannführer? – произнес майор, прикасаясь пальцами к козырьку фуражки⁸. Вид облаченного в кожу эсэсовца его немного шокировал: как он еще не сварился в такую жару? - Майор Хоффман, Фридрих, - представился по имени офицер, - командир 22-го сапёрного батальона.

Эсэсовец медленно поднял руку, тоже «затянутую» в кожу перчаток, в нацистском приветствии.

⁷ Самая смачная кличка Генриха Гимmlера была «Куриный фермер» или «Хайни-курица» - так его звали в начале карьеры, когда он с женой Магдой после получения диплома инженера-агронома купил куриную ферму, но разорился.

⁸ В Вермахте до 24 июля 1944 года использовалось традиционное воинское приветствие (рука к головному убору) или «нацистское приветствие» (выпрямленная правая рука) без головного убора. После покушения на Гитлера приказом было введено обязательное нацистское приветствие (рука-прямая) для всех видов войск, заменявшее обычный воинский салют.

- Хайль! Кранц, - кратко представился он. Голос эсэсовца был сухим и скрипучим. - Виктор Кранц. Это вы, майор, звонили вчера по поводу «циркуляра RSHA-VII/B2-401/43-gKdos»?

- Так точно, герр штурмбаннфюрер, - подтвердил Хоффман, стараясь скрыть напряжение. - Проходите, герр Кранц.

Штурмбаннфюрер кивнул и прошел внутрь кабинета, усевшись на свободный стул. Он оглядел кабинет, задержал взгляд на карте города, висящей на стене, и лишь затем снял черные очки и фуражку. Под ней оказались редкие светлые волосы, аккуратно зачёсанные набок.

Майор не стал занимать своё место «во главе стола», а уселся напротив Кранца.

- Я внимательно слушаю вас, герр Хоффман, - произнёс нацист, ставя саквояж на стол. Внутри вновь что-то мелодично звякнуло.

«Неужели алкаш? – мелькнула в голове майора шальная мысль. – Вон, как бутылки звенят».

Хотя запаха алкоголя от эсэсовца он не уловил. А вот слабая и едва заметная сладковатая вонь разложения присутствовала. Хотя, её могло затянуть с улицы ветром. После ожесточённых боев за город трупов в округе хватало, как с одной, так и с другой стороны. Похоронные и санитарные команды не справлялись с такой чудовищной нагрузкой, а жаркое крымское солнце делало своё дело.

- Прочтите для начала доклад лейтенанта Вебера, - произнес майор, подвигая к эсэсовцу несколько исписанных листков бумаги. – Он был непосредственным участником этих событий. Доклад подробный, насколько это возможно.

- Отлично, Фридрих! – Довольно кивнул штурмбаннфюрер СС, погружаясь в чтение.

Закончив знакомиться с документом, Кранц поднял глаза на майора. И Хоффман неожиданно «погрузился» в его завораживающие и чёрные провалы вместо зрачков – как в глубокую пропасть ухнул. Если бы эсэсовец не отвел от него взгляд в этот момент, майор, наверное, упал бы в обморок.

«Надо больше отдыхать... - подумал Фридрих, придя в себя и списав всё на бессонные ночи. – Во-первых – выспаться, как следует, во-вторых...»

- Отлично составленный документ, - неожиданно похвалил майора Кранц, вырвав из размышлений. – А теперь я хочу лично видеть, где это всё произошло. Мне нужно в госпиталь! И, надеюсь, тела всех убитых той ночью еще не закопали? Не хотелось бы заниматься еще и их эксгумацией а такую-то жару.

- Нет, герр Кранц, - ответил майор, - они в морге при том же госпитале. Хоффман поднялся из-за стола. - Я сопровожу вас лично.

- Хорошо, - согласно кивнул эсэсовец. - Надеюсь, майор, вы понимаете всю серьёзность ситуации? Всё, что вы увидите сегодня... - Он сделал паузу, и его тонкие «бескровные» губы искривились в подобии улыбки. – Должно умереть вместе с вами майор. Это дело особой секретности!

От этой натянутой улыбки эсэсовца Хоффман неожиданно почувствовал, как по спине пробежал неприятный холодок, несмотря на удушающую утреннюю жару.

- Прекрасно понимаю уровень ответственности, герр штурмбаннфюрер, - поспешно ответил Фридрих.

- Дайте мне минутку, Фридрих, - произнёс эсэсовец, подвигая к себе саквояж и щелкая его замками.

Внутри кожаного чемоданчика, отделанного бархатом, лежали странные инструменты: скальпели, щипцы, несколько стеклянных колб с какими-то мутными и прозрачными жидкостями разных цветов, какой-то металлический прибор с подобием циферблата, и еще ряд предметов, которые майор даже не сумел опознать.

- А выжившие свидетели? Имеются? – уточнил эсэсовец, вынимая из саквояжа одну из колбочек с жидкостью ярко-оранжевого цвета. Вытащив из неё резиновую пробку, Кранц сделал несколько маленьких глотков.

«Точно алкаш! – вновь подумал Хоффман, но спиртным опять не запахло. – А то и чего похуже...»

- Только выжившие в перестрелке, - вслух сообщил майор.

- Хорошо! - Кивнул штурмбаннфюрер, возвращая колбу на место и закрывая саквояж.

- С ними я тоже хочу переговорить.

- Устроим, герр штурмбаннфюрер.

Кранц взял саквояж и направился к двери:

- Давайте поспешим, герр майор. Время не ждёт. Солнце встаёт, а тени... тени становятся короче...

- Что? – не понял его последних слов Хоффман. – Что вы имеете ввиду?

- Ничего особенного, - отмахнулся эсэсовец, - не берите в голову.

Они вышли из особняка. Чёрный «Опель» так и стоял у подъезда, тихо урча мотором.

Кранц остановился, и бросил внимательный взгляд на небо:

- Давайте поспешим, майор, пока не исчезли все следы! Два настолько солнечных дня – весьма критично для моего расследования.

Глава 8

Туман неожиданно сконцентрировался вокруг старых костей в прозрачную «тушку» натурального призрака – молодого парня с длинными темными волосами и клочковатой бородкой – почти юношеским пушком. Лицо – умеренно широкое, с хорошо очерченными скулами и выступающим носом. Одет парнишка был в длинную кожаную безрукавку, домотканые штаны и простые сандалии-поршники.

- Ты кто? – Брякнул я, ничего другого мне в голову в этот момент не пришло.

- *Не понимаю, что ты говоришь*, - вновь раздался тот же голос прямо у меня в голове.

- *Лучше подумай об этом.*

Это было похоже на моё общение с Изморой, когда она тоже каким-то неведомым образом «общалась» со мной, вкладывая свои слова непосредственно мне в мозг.

- *Ты кто?* – попытался я последовать совету незнакомца, и у меня, похоже, получилось.

- *О! Так намного лучше!* – воскликнул призрак. - *Я – Агу!* – И он «стукнул» себя кулаком в прозрачную грудь.

Самое интересное, что я понимал, что Агу – имя собственное, и в то же время осознавал, что оно означает – «зоркий».

- *Ну, а я, стало быть – Сергей*, - назвал я призраку имя моего «реципиента», в теле которого я оказался.

С этого дня я решил, что моё настоящее имя умерло с моим родным телом, там, в будущем, которое для меня еще и прошлое. Так что теперь я – Сергей Филиппов. Еще я решил взять себе позывной – «Самовар». И, если мне придётся вступать в контакт с нашими войсками или партизанами, буду называть именно его.

Спешить мне было сейчас некуда, поэтому «свободное время» я посвятил общению с Агу. Как выяснилось, призрак этого юноши, основательно соскучившегося по общению, оказался либо тавром, либо скифом, либо тавроскифом – скелетом.

Я так до конца и не разобрался в его происхождении – не хватало информации, но он жил в этих местах, похоже, еще до нашей эры. Что меня удивило, так это его вполне себе типичные европеоидные черты лица. А я отчего-то раньше думал, что тавры и скифы – монголоиды⁹.

По заверениям пацана, при жизни он был «на подхвате» у верховного шамана, или жреца, служителя культа некой богини Девы¹⁰. А еще его «патрон» владел некой «магией», сообщил мне между делом пацан. Да и сам Агу (по его заверениям) тоже кое-что умел, поскольку считался не только «служкой», но еще и учеником того самого жреца.

Внутри каменного ящика, в слое пыли и древнего праха, лежали не только его истлевшие кости, но еще и пара почерневших бронзовых браслетов, какие-то каменные амулеты в виде примитивных фигурок животных и каменный нож (или наконечник копья – я в этом не разбираюсь) из черного вулканического стекла. И всё – больше ничего не было. Ни золота, ни драгоценностей.

Вот так я и познакомился с Агу, который проторчал в этой каменной ловушке не одну тысячу лет, а я оказался первым, кто его потревожил за всё это время. С тех пор он пристал ко

⁹ Мнение о том, что скифы — это «азиаты с раскосыми глазами» (как в знаменитом стихотворении Александра Блока), является историческим мифом. Современная наука — и археология, и палеогенетика — это опровергает.

¹⁰ Дева (Парфенос) — главное божество древних тавров, населявших горный Крым. Ей приносили в жертву моряков, отождествляли с греческой Артемидой. Культ Девы, связанный с суровыми обрядами на скалистых берегах (предположительно мыс Фиолент), позже стал основным государственным культом в Херсонесе Таврическом.

мне как банный лист к ж... пятой точке, став моим непрошеным и навязчивым, но, как позже выяснилось, весьма полезным спутником и товарищем.

Любопытно, что общаться без проблем мы с ним могли только мысленно - телепатически. А вот если я пытался что-то растолковать ему вслух – он меня абсолютно не понимал. Так же, как и я его, когда он, вдруг, тоже с чего-то решал использовать «распространение упругих волн в сплошных средах¹¹», хотя и был натуральным призраком.

О чём мы только с ним не говорили в тот день, но больше всего меня интересовала магия, в существование которой я, после всего со мной произошедшего, поверил безоговорочно.

- Магия у нас была разная... - с видом заправского лектора произнёс Агу, устроившись по-турецки прямо в воздухе над своими костями.

- И в чем же она заключалась?

- В посредничестве между миром людей и миром духов, - с серьёзным выражением на лице, сообщил призрак, - для обеспечения благополучия общины. Мы исцеляли болезни, провожали души умерших в Навь, предсказывали будущее, обеспечивали удачу на охоте и управляли погодой – чтобы земля могла больше родить: вызывали или прекращали дожди, управляли духами стихий.

- Солидно! – не стал я сомневаться в правдивости парня. – Нам бы сейчас такие возможности... - размышлял я. – Даже одно умение управлять погодой по своему разумению, столько бы пользы принесло. Слушай, а ты ведь тоже что-то умеешь... вернее, умел, пока был жив?

- Умел, - подтвердил призрак, - я ведь был лучшим из учеников Верховного шамана.

- А меня каким-нибудь таким «фокусам» сможешь научить?

- Я бы и рад, - неожиданно дал «заднюю» недоделанный шаман, - но только Верховный жрец умел открывать Врата между мирами.

Врата? Я неожиданно насторожился. Глядишь, сейчас чего пацан и про Двудуликого брякнет?

- А настоящим шаманом, либо магом, не стать, - самозабвенно продолжал парнишка, - если не посетить хотя бы один из миров – Верхний - Правь, или Нижний – Навь. Я умею чувствовать смерть и видеть то, что скрыто от глаз живых, но открыть Врата не могу. - Агу виновато развёл руками. – Для этого нужно особое благоволение самого Двудуликого – Владыки Врат, а его уже тысячелетия никто не встречал...

Призрак неожиданно замолчал и уставился на меня постепенно разгорающимися в темноте глазами. Его нижняя челюсть постепенно отвисала всё ниже и ниже, пока рот не распахнулся настолько широко, что даже мне стало как-то не по себе.

- Ты отмечен Его печатью, Двудулец! – От его ментального крика у меня в голове едва мозги не закипели. - Я вижу это в тебе! И печать... Она... Она свежая!!!

- Слушай, да не ори ты так, оглоблю тебе в дышло! – постарался осадить я пацана, пока моя башка действительно не лопнула. – С чего ты решил, что я - Двудулец? Это как? Две души в одном теле?

- Да, - подтвердил Агу. – Я четко вижу два «отпечатка»: одна душа - твоя, а вторая - того, чьё тело ты носишь. Пусть она уже ушла на очередной Круг Перерождений, но её «след» ты будешь носить всегда.

- Да он такой, этот твой Двудулик?! – не выдержал я. – И какого хрена он ко мне привязался?!

- Он к тебе не привязывался – Двудулик вообще не смотрит на тебя. Он смотрит сквозь тебя. Одно его лицо обращено к тому, чем ты был, другое — к тому, чем ты станешь. И между этими лицами — ты, застрявший в этом изувеченном теле, как муха в янтаре, - весьма туманно

¹¹ Звук — физическое явление, представляющее собой распространение упругих волн в сплошных средах (газах, жидких, твёрдых или плазмах).

и непонятно выдал недоученный шаман. – Но ты явно часть Его неизвестного плана, раз уж Он осенил тебя своей печатью.

Я невольно задумался над его словами. Значит, всё со мной происходящее, не череда случайностей. И Измора была права – это Двуликий имеет на меня какие-то виды.

- Тогда почему бы просто не сказать, чего он от меня хочет?

- Пути Двуликого непознаваемы, – пожал плечами призрачный парнишка. – Со временем ты обязательно всё узнаешь. И вот еще что, Двоедушеч...

- Зови меня Сергеем, Агу, – попросил я, – мне так привычнее.

- Хорошо, Сергей, – согласно кивнул призрак, – раз уж ты уже проходил сквозь Навь Вратами Двуликого, у тебя имеется настоящий магический дар. Это я просто сразу не рассмотрел, и не догадался. Иначе, как бы мы с тобой разговаривали? И как бы ты себе без дара руки-ноги отращивал?

- Так это старуха одна меня таким даром снабдила – Изморой назвалась. Знаешь такую?

Агу усмехнулся — его лицо дрогнуло, словно поверхность воды.

- Видел я подобных тварей Тьмы. Сильный дух, и злобный весьма. Только она никакого дара тебе не передавала – всё это у тебя было изначально, как у отмеченного печатью Двуликого.

- Хочешь сказать, кинула меня бабка? Ну, обманула, то есть?

- Нет, не совсем чтобы обманула, – мотнул головой Агу, – просто не открыла всей правды. Создания Тьмы всегда стараются свою выгоду поиметь. А сейчас ты ей, как бы, и должен.

- Вот грёбанный агрегат! – выругался я.

- А вот с хранилищем силы...

- Это с резервом, что ли? – уточнил я. – Она его еще лабазом называла.

- Не важно, как назвать, пусть будет резерв. Вот его-то она в тебе и открыла. Так-то некоторым одарённым, чтобы резерв развить, очень и очень постараться надо. Зачастую не один год на это уходит. Правда, и тут схитрить умудрилась, использовав «пустоту» от ушедшей «родной» души этого тела. Так что ты одним «рывком» от Видящего до Ведуна скаканул! А на это тоже немало времени в медитациях, да тренировках угробить надо. Можешь мне поверить – я этот путь на собственной шкуре прочувствовал.

Я молчал, переваривая информацию.

- И что теперь? – спросил я. – Если я Ведун, что я могу делать, кроме как руки-ноги по ночам отращивать?

Агу усмехнулся, и его лицо снова дрогнуло, словно рябь на воде.

- Ведун-то ты Ведун... – Он задумчиво почесал призрачный подбородок, заросший юношеской бородёнкой. – Но не простой, спасибо Изморе. Обычные маги-Ведуны черпают силу Жизни – от земли, от солнца, от природы. А ты... – Агу посмотрел на меня, и в его глазах мелькнуло что-то вроде жалости. – Твоя же сила – от Смерти, от самой Тьмы. Ты – «Теневик», Тёмный Ведун. Это отдельный путь. Древний, но запретный... Он быстрее. Легче стократ, но и стократ опаснее.

- Чем он опасен?

- Чем больше смертей ты соберёшь, тем больше Тьмы в тебе поселится. Рано или поздно ты станешь частью Нави. Переродишься, как та Измора. – Он немного помолчал. – Но еще не поздно всё изменить. Ты можешь остановиться и найти другой путь.

- Другой путь? – Я горько усмехнулся. – Ты меня сейчас видишь? Разве у такого калеки есть выбор? Мне нужна сила, чтобы элементарно выжить. Я потом найду этого твоего Двуликого, и спрошу с него за всё...

- Тихо, ты что? – нервно оглянувшись, зашипел на меня Агу. – Нельзя так с богами! О них, как о мертвецах – либо только хорошее, либо ничего!

- Что я еще могу научиться «на тёмной стороне»? – спросил я паренька. – Кроме отращивания рук и ног?

- Расскажу всё, что знаю и слышал, - Агу серьёзно посмотрел на меня. – Хотя, я не так уж и много знаю об этой стороне силы. Но помни, Сергей - за всё нужно платить. И как бы в этой погоне за силой не потерять свою человечность...

- Я осторожно, - заверил я пацана, - постараюсь не потерять. Давай, трави, чего я там в теории могу?

Призрак поднялся немного в воздухе, уткнувшись головой в каменную плиту-крышку, и его фигура начала светиться слабым изумрудным светом.

- Первое и самое главное - Тень. Это еще не Тьма, но слабые её проявления. Ты уже чувствуешь Тень. Она уже служит тебе, но в малом – руки и ноги у тебя именно из Тени. Но можно научиться большему. Научиться повелевать ей, делать именно то, что тебе нужно и когда это нужно.

- Вот это было бы очень кстати, - согласился я. – А конкретнее?

- Самое простое – использовать Тень, как прикрытие – никто из простых смертных тебя не сможет тебя увидеть. А ведь даже в самый яркий и солнечный день всегда найдётся место для тени.

- Полезное умение, - согласился я.

- Но не расслабляйся, - осадил меня призрак, - даже слабенький одарённый, новичок-Видящий, тебя легко распознает.

- Да откель им взяться-то, этим Видящим? Они сейчас табунами не ходят, как у вас там, в прошлом. Я за всю жизнь ни одного так и не встретил.

- Так, может, это от того, что ты обычным смертным раньше был? – уел меня Агу. - Любой одарённый простаку на раз глаза отвести сможет. А вот между магами – уже кто кого пересилит. У кого сила...

- Тот и сильней? – хохотнув, произнёс я.

- Ну, да, - не понял моей иронии дух. - Еще шагать между тенями можно - из одной в другую. Чем больше сил – тем большее расстояние можно преодолеть. Правда есть ограничение – всё в пределах видимости.

- Ух, ты – отличная функция, даже в пределах видимости, - по достоинству оценил я мгновенное перемещение. Похоже, именно таким способом Измора «прыгала» в госпитале от двери прямо к моей кровати. – Еще что помнишь, Агу?

- Можно научиться забирать дыхание жизни не только прикосновением, но и на небольшом расстоянии. Можно вкладывать Тень в предметы, делать их... подобием живых. Еще можно научиться делать Тень плотной, как сталь. Твои руки и ноги – подобие такого умения. Но можно сделать их еще крепче.

- Как сталь? — переспросил я, вспоминая, как одним ударом кулака размоzzжил фрицу черепушку.

- Именно. Я слышал от учителя об «Оружии из Тени», «Доспехе из Тени», «Щите из Тени». Но на это нужно много силы... Очень много...

Агу взял паузу, что-то обдумывая или вспоминая. Так-то и забыть мог за столько-то времени, проведенном в одиночестве в каменной ловушке. Я его не торопил - пусть подумает.

- Теперь о Жизни и Смерти, - наконец «заговорил» призрак. - Ты уже чувствуешь дыхание жизни перед смертью своего врага - как свечение, исходящее из умирающего тела. Но ты можешь научиться видеть это проявление жизненной энергии всегда.

- Хочешь сказать, что я могу видеть, сколько человек ещё проживёт?

- Да. Но это тяжело. Ты будешь видеть смерть везде. Это... давит... на душу, делает её грубее, убивая сострадание. В итоге Тьме становится легче тебя поработить. Старайся не давать

Тьме лишнего повода, Сергей. Когда она «пожирает» человека, от его собственного «я» не остаётся уже ничего.

- Постараюсь... как-нибудь...

- Еще хочу сказать пару слов про Навь. Ты уже проходил сквозь неё Вратами Двудикого. Твоя душа несёт эту потустороннюю метку. Ты можешь научиться входить в Навь сознательно. Говорить с мёртвыми. Спрашивать у них то, что они знали при жизни. Можешь даже призывать некоторых духов на помощь.

- Призывать духов? - Я заинтересованно приподнял одну бровь. - Как настоящие шаманы?

- Да, как настоящие шаманы, - подтвердил Агу. - Но духи опасны. Они помнят былые обиды. И если ты призовёшь их неправильно... можешь погибнуть...

- Понимаю. Что я должен для всего этого сделать?

- Терпеливо тренироваться и копить силы. Во-первых, нужно увеличить резерв. Копить больше силы, но...

- Но что? — я уже предчувствовал, что будет какое-нибудь «но». В таких делах без него никогда не обходится.

- Сейчас ты – Тёмный Ведун. И чем больше твой резерв, тем «тяжелее» Тень, которая будет стремиться превратиться во Тьму. Ты будешь постоянно чувствовать холод. Голод. Жажду вкусить новой Жизни, сея смерть направо и налево. И чем дальше, тем сложнее тебе будет остановиться... И не потерять себя...

Агу замолчал, давая мне время осмыслить информацию. Я чувствовал, как в груди что-то сжимается. Это не просто сила. Это проклятие. Но проклятие, которое даёт мне шанс выжить.

- И как мне научиться всему, о чём ты мне рассказал? - спросил я наконец.

- Практика, — просто ответил Агу. - Я научу, как чувствовать Тень. Как «говорить» с ней, чтобы она отвечала. Главное - не переусердствовать! Если почувствуешь, что сама Тьма начинает говорить с тобой... срочно останавливайся!

- Говорить со мной? - Я нахмурился.

- Тьма жива, Сергей. Не в том смысле, как люди. У неё есть своя воля и подобие разума. И она обязательно захочет поглотить тебя. - Агу серьёзно посмотрел на меня. - Помни, Двудушеч: либо ты используешь Тьму, либо она использует тебя. Не допусти второго исхода!

Я кивнул. Это было важно. Слишком важно, чтобы забывать.

- Хорошо, - сказал я. - Буду помнить. А что насчёт Врат Двудикого? Как их отыскать?

Агу пожал плечами.

- Я не знаю. За тысячи лет, прошедших после моей смерти, на земле всё изменилось...

- Ладно, — сказал я, - будем искать. Но для начала мне нужно пережить этот день. И ещё один... И ещё...

- Ты выживешь, — уверенно сказал Агу. - Ты - Двудушеч. Ты отмечен Двудиким. Ты не умрёшь, пока не исполнишь своё предназначение.

- А что это за предназначение? - спросил я, догадываясь, что не получу ответа.

Агу только улыбнулся - грустно и загадочно:

- Ты обязательно узнаешь, когда придёт время.

Дух начал медленно растворяться в воздухе, становясь всё более прозрачным.

-Э-э-э, Агу, ты куда? — окликнул я призрачного парня.

- Солнце в зените. Тени слабеют. Я тоже, в своем роде, порождение Тьмы... Отдохни, Сергей. Ночью тебе понадобится сила...

- Подожди! А почему ты мне всё это рассказал?

Агу пожал призрачными плечами.

- Потому что ты первый, кто сумел меня услышать за всё это время, что я здесь... - Он посмотрел на меня, и в его глазах мелькнула тоска. - Тысячи лет одиночества – это страшно... Я с трудом сумел удержать себя от безумия...

- А почему ты не ушел... как все остальные...

- В Навь? – переспросил дух.

- Да, туда где мертвым самое место.

- Я не знаю... - Агу вновь пожал плечами. – Я даже не помню отчего умер. Ведь я еще юн... Ну, был тогда... Может быть в этом причина. Я что-то не завершил на земле, и оттого и стал неприкаянным духом. Да я даже далеко от своей могилы отойти не могу, - пожаловался он мне. – Представляешь, каково это – быть абсолютно бессильным что-либо изменить и быть привязанным к одному месту?

- Похоже, дружище, я тебя прекрасно понимаю! – ответил я. – Ладно, давай отдыхать. А после мы с тобой обязательно придумаем, как друг другу помочь.

Глава 9

«Опель» остановился у здания госпиталя, несшего следы ожесточённого боя. Кирпичные стены местами зияли чёрными провалами выбитых окон, фасад был испещрён следами пуль и осколков. Кранц неторопливо вышел из машины, поправил полы своего чёрного кожаного плаща.

Он не забыл про свой потертый кожаный саквояж, который прихватил с собой. Несмотря на утреннюю жару, он так и не снял перчатки. Майор, уже успевший основательно вспотеть в своём полевом кителе, абсолютно не понимал, почему заезжего эсэсовца не берёт эта проклятая жара.

- Ведите меня туда, - кратко бросил нацист Хоффману, указав свободной рукой направление.

- В палату? Где всё началось? – уточнил майор.

- Да.

Фридрих кивнул и повёл эсэсовца внутрь госпиталя. Коридоры лечебного заведения были пусты, и гулко отзывались эхом на звуки шагов. На полу местами темнели высохшие лужи крови и валялись пустые автоматные гильзы. Немцы поднялись на второй этаж. Закопчённые двери в палату были сорваны с петель взрывом гранат, пробиты пулями и посечены осколками.

Кранц остановился на пороге, закрыл глаза и глубоко вдохнул воздух, пахнувший гарью и кровью.

- Да, это здесь... - прошептал он, шагнув внутрь.

Его блестящие сапоги, как показалось Хоффману, ступали по полу совершенно бесшумно, не издавая ни звука на битом стекле, чем сам майор похвастаться не мог – он передвигался как слон в посудной лавке. Кранц двигался мимо пустых кроватей, медленно поворачивая голову из стороны в сторону.

- Вы чувствуете? - спросил он майора, не оборачиваясь.

- Что именно, герр штурмбаннфюрер? - напряжённо спросил Хоффман, не понимая, что от него хочет услышать это весьма странный эсэсовец.

- Холод. Смертельный холод. - Кранц провёл по воздуху правой рукой, предварительно сняв с неё перчатку. - Ледяной шлейф. Смерть прошла здесь. Не обычная смерть от пули или осколка. Это... Кто-то забрал жизнь силой, просто вырвал её из тела и поглотил эту животворящую субстанцию...

Хоффман почувствовал, как по спине пробежал холодок. В палате было жарко и душно, но слова эсэсовца были пугающими.

- Кто это мог быть? – выпалил он. - Партизаны? Диверсанты?

Кранц криво усмехнулся, и от этой усмешки майор непроизвольно вздрогнул и поёжился.

- Люди не оставляют таких следов. Это была... – Эсэсовец снял темные очки, и в его зрачках вновь мелькнуло что-то нечеловеческое. – Некая потусторонняя сущность, питающаяся чужими жизнями...

Он поставил саквояж на уцелевший подоконник и щелкнул замками. Кранц аккуратно извлёк из «бархатного чрева» своего чемоданчика некий прибор, который уже видел мельком в своём кабинете. Латунный корпус, стеклянная колба с тёмной жидкостью внутри, несколько стрелок и циферблат с непонятными символами.

- Что это? - не удержался Хоффман.

- Теневой резонатор, - невозмутимо ответил Кранц, включая прибор, имеющий, как оказалось электрическую батарею питания. Раздался тихий гул, стрелки прибора дрогнули. - Реа-

гирует на остаточную энергию Нави. На следы Тьмы. Это весьма унифицированный и уникальный инструмент, разработанный нашими учёными из «Аненербе».

Одна из стрелок прибора поползла вправо, затем замерла. Кранц медленно пошёл с устройством по палате. Прибор временами бурно реагировал мельтешением стрелок у некоторых кроватей. Но самый пик - когда дернулись буквально все стрелки и легли на «максимум», произошёл только у одной.

- Вы знаете, кто здесь лежал? – резко поинтересовался эсэсовец у майора.

- Нет, - мотнул головой Хоффман, - расследование проводил лейтенант Вебер, нужно спросить у него.

- Хорошо, обязательно спросим... - задумчиво произнес штурмбаннфюрер СС, продолжая передвигаться по палате.

- Здесь, - произнёс Кранц, остановившись у распахнутого окна. – Тот, кто мне нужен, ушёл через окно.

Хоффман подошёл ближе.

- Вы уверены, герр штурмбаннфюрер?

— Прибор не лжёт. — Кранц прищурился, глядя на разбитое окно. — След тёплый. Ещё не остыл. Он ушёл в сад.

Эсэсовец убрал прибор обратно в саквояж. Его лицо стало ещё более каменным, если это было возможно.

- Это не просто диверсант, майор. Кто-то из русских сумел встать на путь Тьмы... – Кранц замолчал, словно взвешивая слова. – Причём, ему помогли. Непонятно только, за какие заслуги? И это может стать большой проблемой для нас, если его вовремя не уничтожить.

Хоффман сглотнул, отчего-то слова эсэсовца прозвучали весьма зловеще.

- Что нам делать?

- Для начала прочесать каждый куст в этом саду и все подвалы, которые найдутся поблизости. - Кранц взял саквояж и направился к выходу. Майор поспешил за ним следом. – Возможно, он не успел далеко уйти. Хотя, пошли уже вторые сутки... Если он действительно безногий – Тень не будет поддерживать его силы днём. Но ночью... Ночь его время, майор! Бросьте все силы на его поиски! Срочно!

Голова у Хоффмана шла кругом, но он отчего-то безоговорочно поверил этому безумному эсэсовцу в кожаном плаще.

- Слушаюсь, герр штурмбаннфюрер, - ответил Хоффман. – Сейчас же отдам соответствующие распоряжения. – А нельзя его отследить с помощью вашего прибора?

- Солнце уже высоко, - ответил Кранц. – Ближе к вечеру попробуем. А теперь - в морг! – распорядился Кранц. – Мне нужно убедиться, что мы ищем именно безногого и безрукого русского из вашего отчёта. Но, если это не так – будет куда сложнее его выследить и поймать. В отличие от инвалида, он сможет передвигаться и днём.

Морг располагался в подвальном помещении госпиталя, и разница с удушающей уличной была просто разительной. Здесь царил холод — сырой, липкий, проникающий даже под одежду. Воздух был густым и вязким от запаха формалина, хлорки и той сладковатой тошнотворной вони, которую издают только лежалые мёртвые тела.

Тусклые лампы под потолком моргали, отбрасывая на стены дрожащие тени. Вдоль стен стояли металлические стеллажи, на которых лежали тела, накрытые грязными окровавленными простынями. Кое-где из-под ткани виднелись окоченевшие конечности, посиневшие лица с открытыми глазами, смотрящими в пустоту.

У входа в морг майора и прибывшего эсэсовца уже ожидал лейтенант Вебер. Он прибежал запыхавшимся, вытирая пот со лба.

- Герр майор! Герр штурмбаннфюрер! - Он щёлкнул каблуками и потряхнул головой. - Мне доложили, что уже вы здесь...

Майор тепло с ним поздоровался, а Кранц просто кивнул, не проявляя эмоций.

- Лейтенант, - произнёс эсэсовец, - покажите мне тех русских, кто оказывал сопротивление в той палате.

Вебер помедлил секунду, как будто вспоминая, а затем кивнул и повёл начальство в дальний угол морга. Он остановился у двух тел, лежавших отдельно от других тел и накрытых простынями, практически пропитавшимися кровью.

- Это они, герр штурмбаннфюрер. Эти двое... подорвали себя гранатами, когда наши солдаты ворвались в палату.

Кранц, не проявляя и тени брезгливости, откинул простыни в сторону, открывая изувеченные трупы врагов. Тела пострадали весьма серьёзно, что заставило Кранца недовольно поморщиться.

- Scheiße! - выругался Кранц, заметив рану, пробитую осколком гранаты в черепе одного из них. - Берите этого и тащите на стол – второй никуда не годен!

- Простите, герр штурмбаннфюрер? - Вебер моргнул, не понимая, чего от него хочет эсэсовец.

- Вы глухой, лейтенант? Я сказал – тащите его на прозекторский стол. Сейчас же!

Вебер колебался, но взгляд эсэсовца не оставлял сомнений. Он кивнул двум солдатам-санитарам, дежурившим в морге. Те неохотно подошли, взяли тело — то, что меньше пострадало от взрыва — и переложили на холодный металлический стол, раскорячившийся посередине помещения.

Хоффман наблюдал за этим с нарастающим беспокойством.

- Герр штурмбаннфюрер... — начал он осторожно. — Зачем вам это? Тело мёртво уже двое суток. Что вы хотите...

Кранц повернулся к нему. В тусклом свете морга его глаза казались почти чёрными.

- Я хочу его допросить, — спокойно ответил нацист.

После этого ответа в морге наступила поистине мертвецкая тишина. Вебер замер с открытым ртом. Солдаты-санитары испуганно переглянулись, не зная, что делать. Хоффман почувствовал, как ледяной холод буквально сковал его мышцы, не позволяя двинуться с места. И каждый из присутствующих здесь решил, что эсэсовец окончательно двинутый.

— Д-допросить? — переспросил майор, не веря своим ушам. — Но он... он мёртв, герр штурмбаннфюрер!

Кранц медленно снял перчатки с рук. Его пальцы были бледными, почти бесцветными. Он медленно провёл руками над телом, и в воздухе ощутимо запахло озоном.

- Смерть - это еще не конец, майор. Пока душа не ушла «за грань», её еще можно вернуть в «старую тушку». Если она, конечно, не критически разрушена, как у этого бедолаги. – И он указал пальцем на пробитый осколком череп второго красноармейца. – Мозг имеет весьма важное значение даже в таком деле!

- Вы это серьёзно, герр штурмбаннфюрер? – судорожно сглотнув, спросил майор.

- Есть трое суток, когда без особых затрат энергии можно вернуть душу в прежнее тело... Снимите с него одежду, - приказал Кранц санитарам, не отводя взгляда от безжизненного лица русского бойца. - Мне нужен доступ к его груди.

Вебер хотел что-то возразить, но в итоге промолчал. Санитары неуверенно перехватили тело красноармейца, поправляя окоченевшие конечности. Им пришлось разрезать лохмотья окровавленной гимнастёрки, снимая лоскуты ткани вместе с присохшей кожей, чтобы выполнить распоряжение эсэсовца. На столе оказалось изуродованное взрывом тело: синюшная грудь, пробитая пулями и покрытая рваными ранами.

Кранц вновь открыл свой саквояж. На этот раз он не стал доставать прибор. Его пальцы скользнули по бархатной подкладке и извлекли совсем иные вещи: старую книгу в потрёпанном переплёте из чёрной кожи, исписанную непонятными символами, три толстые свечи из тёмного

воска, небольшой серебряный нож, тонкую кисть и стеклянный флакон с густой, почти чёрной жидкостью.

Когда все принадлежности переключались из саквояжа на стол, Кранц расставил свечи вокруг головы мертвеца. Чиркнул спичкой и зажёл их. Пламя вспыхнуло не жёлто-оранжевым, как обычно, а ядовито-зелёным цветом. После чего затрепетало, как на сильном ветре, хотя никакого сквозняка в морге не ощущалось.

- Можете выйти, - бросил Кранц, не оборачиваясь. – Не посвящённым в таинства сложно переносить этот обряд.

Хоффман и Вебер переглянулись, но остались стоять. Любопытство пересилило страх.

- Мы выдержим, герр штурмбаннфюрер, - ответил за всех майор.

- Хорошо, оставайтесь. Только не мешайте, чтобы не происходило!

Эсэсовец открыл флакон, взял в руки серебряный нож и провёл лезвием по своей ладони, выступившую кровь смешал с содержимым стеклянной ёмкости. Затем, вооружившись кистью, он обмакнул её в эту смесь и начал чертить какие-то руны и знаки прямо на груди мертвеца.

Закончив с этим, Кранц открыл древнюю книгу. Её страницы шелестели, словно сухие листья, пока он искал необходимое место. Затем он начал читать. Сначала шёпотом, затем всё громче и громче. Голос нациста звучал так, словно говорил не один человек, а несколько одновременно. Язык был древним, гортанным, полным рычащих звуков, от которых у присутствующих немцев побежали мурашки по всему телу.

Символы, нанесённые на труп, неожиданно вспыхнули тусклым багровым светом, мгновенно прожигая до костей серую кожу. Воздух в морге стал тяжёлым и сырым, отдающим смрадом разверзшейся могилы. Лампы под потолком замигали и погасли, оставив из света лишь зелёное пламя свечей. Тени на стенах ожили, стягиваясь к столу, словно мерзкие шевелящиеся щупальца гигантского осьминога.

Санитары попятились к стене, незаметно крестясь и мысленно шепча молитвы. Но на «ритуал» эсэсовца это никоим образом не повлияло.

- Exsurge¹²! – громогласно воскликнул Кранц, а присутствующим показалось, что земля под ногами слабо содрогнулась.

Тишина. Неимоверно растянувшееся мгновение ничего особенного не происходило. Хоффман уже хотел облегчённо выдохнуть, решив, что это театральный трюк. А приезжий эсэсовец не более, чем базарный шарлатан, имеющий серьёзные проблемы с головой.

Но вдруг тело на столе резко выгнулось дугой. Спина оторвалась от металла, голова запрокинулась так, что хрустнули шейные позвонки. Из груди вырвался хрип, не имеющий ничего общего с человеческим голосом. Вебер ахнул и закрыл рот ладонью, а Хоффман попятился, уткнувшись спиной в металлический стеллаж с мертвецами.

- Guter Gott¹³... - прошептал майор.

Затем труп опал, словно его сведённые судорогой мышцы расслабились. А затем его глаза распахнулись. Хоффман заметил, что белки трупа стали полностью красными, поглотив даже радужку. Мертвец медленно, с какими-то дёрганными рывками повернул голову в сторону Кранца.

Его красные глаза, лишённые зрачков, смотрели не на эсэсовца, а словно сквозь него — в какую-то иную, неведомую даль. Грудная клетка мертвеца судорожно втянула воздух, хотя его лёгкие давно в нём не нуждались. Раздался хриплый, булькающий звук, а пулевым отверстием на груди запузырилась чёрная кровь.

- Вот, тля, - замогильным голосом прохрипел восставший из мертвых - пожилой боец Красной армии, - грёбанные фрицы уже и после смерти покоя не дают!

¹² Exsurge (латынь) — это повелительная форма глагола exsurgo, означающая «восстань», «встань», «поднимись».

¹³ Guter Gott – Боже милостивый (нем.).

Вебер отшатнулся так резко, что едва не упал, а Хоффман инстинктивно потянулся к кобуре, но Кранц лишь поднял руку, останавливая его.

- Schweigen! - Голос эсэсовца прозвучал как удар хлыста. - Ich habe dich mit meiner Macht in diese Welt zurückgebracht. Du musst mir gehorchen, russisches Schwein!

[Молчать! Я вернул тебя в этот мир своей силой! Ты обязан подчиняться мне, русская свинья!]

Мертвец презрительно фыркнул, едва не забрызгав эсэсовца кровью из поврежденных лёгких:

- Чего ты тывкаешь, ублюдок? Хочешь сказать чаво, так давай по-русски! Я по-вашему, по-ублюдочному, не понимаю, - оскорбительно заявил мертвец.

Майор, тоже немного понимавший по-русски, даже опешил от подобной наглости. А по тому, как перекосило Кранца, Хоффман понял, что эсэсовец тоже владеет языком противника.

- Их поднимать тебя из мёртвый! – коряво, но вполне бегло, произнёс по-русски некромант. – Ты обязан мне подчиняйтц!

- Так это ты меня поднял? – притворно изумился русский. - А я-то думал, что это меня товарищ Сталин из загробки вернул! Чтобы, значит, я еще разок вашему брату задницу надрал. Знал бы, что это не он, а какой-то хрен с горы – не отозвался ни в жисть!

Кранц сжал кулаки и дажен немного порозовел от охватившей его ярости, и зелёное пламя свечей вспыхнуло еще ярче.

- Говорить! Не смей мне противиться - кто убивать наших зольдате в этой Krankenstation? Э-э-э... лазарет?

- Как кто? – хохотнул мёртвый боец. - Я и убивать. И вон, Ромка еще, царствие ему небесное...

- Найн! – нервно заорал Кранц. - Кто забирать их leben... жизненный сила?

- А хрен его знает! - мертвец неопределённо пожал плечами.

- А-а-а! – зарычал эсэсовец, не понимая, что вообще происходит.

Поднятый мертвец не мог противиться воле того, кто его поднял. Так же, как и не мог лгать задающему вопросы. Но этот русский как-то умудрялся противиться его воле.

Откуда ему было знать, что пожилой красноармеец отвечал максимально правдиво – он действительно не знал, кто был тем безруким и безногим танкистом. Его имени так и не узнал никто в госпитале. И ответ «хрен его знает», вполне соответствовал условиям темной ворожбы некроманта.

- Ты будешь отвечать! — Кранц резко взмахнул рукой в воздухе, сложив пальцы особым образом, и руны на груди трупа полыхнули ярче, словно угли преисподней, раздуваемые ветром. Мёртвое тело вновь выгнулось дугой, издав треск ломаемых костей. - Я есть заставлять тебя говорить! Я есть заставлять тебя страдать даже после смерти!

- Ой, напуж-ж-жал! – скрипя зубами, выдавил мертвец, но в его голосе не было ни капли страха. - Я уже мёртвый, болван! Да и при жизни всякого видывал – меня еще в империалистическую взрывом накрыло, так я три дня из-под земли через раз дышал, пока хлопцы случайно не откопали! Вот где настоящий ад был! А твои потуги так – лёгкая щекотка!

Хоффман прикусил губу, чтобы невольно не рассмеяться. Ситуация была до безумия абсурдной: «великий» эсэсовский некромант не мог совладать с упрямым русским мертвецом, который отпуская плоские шуточки на его счёт даже будучи холодным трупом.

Кранц понял, что теряет контроль – мертвое тело вновь обмякло на столе, перестав биться в судорогах. Лицо эсэсовца утратило «румянец», посерело, а в глазах полыхнул холодный магический огонь. Он наклонился над мертвым телом, и его пальцы засветились тусклым фиолетовым светом.

- Я заставляйт тебя говорить! Я разорвать твоя душа на мелкий части!

- Ну-ну, попробуй! - Мертвец медленно, с огромным усилием приподнялся на столе и взглянул Кранцу прямо в глаза. - Не видать вам, тварям, победы, - прохрипел он, и каждое слово звучало как приговор. - У нас даже безрукий и безногий калека насовал вам херов полную панамку! А уж наши бойцы... - Он усмехнулся в последний раз, - ...наши бойцы вас до Берлина пинками погонят! Дай только срок... - И в этот момент его тело начало буквально рассыпаться на глазах: кожа покрылась чёрными пятнами, мышцы начали отслаиваться от костей.

- Найн! - Кранц рванулся к столу, фиолетовое свечение, сорвавшееся с его пальцев, окутало мертвеца, пытаясь удержать его тело от стремительного разложения. – Их нихт тебя отпускать!

- А... кто... тебя спрашивать... будет? - прохрипел мертвец, падая на стол. Его голова гулко стукнулась о металлическую поверхность. – Валите сами... пока не поздно... - Последние слова прозвучали едва слышно – мертвое тело осыпалось на прозекторский стол невесомым прахом.

Однако, в самый последний момент, мертвец умудрился «сконцентрироваться» и плюнуть тягучим кровавым сгустком прямо в лицо эсэсовцу. После чего он закрыл глаза и превратился кучу серой пыли, которую мгновенно развеяло неведь откуда взявшимся ветром.

Глава 10

Солнце село так же стремительно, как и взошло. Как только светило скользнуло за горизонт, внутри моей «полости» привычно ёкнуло. Сила, дремавшая весь день, потянулась, словно хищник после спячки, и по жилам разлилось знакомое ледяное покалывание...

Я, наконец-то, сумел вновь сжать кулаки. Пальцы уже слушались, но... они всё ещё были полупрозрачными. Сквозь них просвечивала земля и каменные стены усыпальницы Агу, словно я смотрел на мир через мутное стекло.

- Не торопись, - мысленный голос Агу прозвучал в моей голове. Призрак материализовался рядом со мной внутри каменного саркофага. – Окончательное воплощение произойдёт с наступлением полной темноты. Сначала тень обретает форму, потом — плотность... Ну, а в конце концов, её не отличить от настоящей плоти.

Я с интересом разглядывал свои руки. Они медленно наливались силой, из призрачных становясь всё более осязаемыми. Кости проступали туманными очертаниями, мышцы - словно сотканными из ночного тумана. Я взял в руки оружие. Автомат в моих полупрозрачных руках казался инородным и слишком реальным. Оружие не зависело от магии – оно было для меня якорем в материальном мире.

Неожиданно «в груди», там, где располагался «резерв», вдруг возникло неприятное тянущее ощущение. Я поморщился, инстинктивно прижав ладонь к рёбрам.

- Ты почувствовал это? - Голос Агу прозвучал встревоженно, его светящиеся глаза стали чуть тусклее.

- Это что ещё было? - спросил я, растирая грудную клетку. - Будто внутри что-то... «задрожало».

- Возмущение магического эфира, - ответил дух, скрестив призрачные руки на груди. - Кто-то призывал тёмную магию. Днём. Не очень далеко отсюда.

- Днём? - Я засомневался, что такое возможно. – А почему я почувствовал это только сейчас? Если это было днём, я должен был заметить раньше.

Агу покачал головой, его дымчатый силуэт слегка размылся в темноте.

- Днём твоя сила «спала», Сергей. Твоя связь с Навью прекращается во свете дня. Ты не мог этого почувствовать. - Призрак указал на мою грудь. – Солнце село, силы Тьмы вернулись. И ты уловил остаточное возмущение. Это как рябь на воде после брошенного камня. Камень упал давно, но круги ещё идут.

- Значит, кто-то колдовал, пока я спал? - Я машинально передёрнул затвор МР-40. - Кто?

- Не знаю, - Агу покачал головой. - Но почерк весьма грубый, жестокий... Маг испо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.